

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 35 АВГУСТ 1974

Нелегкое это дело — обслуживать семь стоек прядильных машин, но Ольга Павловна отлично с ними управлется.

Много волнующих встреч было у О. П. Вохмяниной на XVII съезде ВЛКСМ.

У Тани Духанной, Любы Колыловой и Тани Радостевой нет никаких секретов от их любимой тети Оли.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХОУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 35 (2460)

24 АВГУСТА 1974

© Издательство «Правда», «Огонек», 1974 г

Б. СОПЕЛЬНЯК,

фото А. ГОСТЕВА,

НАСТАВНИЦА

Ольга Павловна пересекла Манежную площадь, вошла в Кремль, поднималась в зал Георгия съездов, нашла свое место в ложе для гостей. И вот XVII съезд комсомола открыл! Ольга Павловна с большим вниманием слушала речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, а когда он повел разговор о воспитании достойной смены рабочего класса, о развитии движения наставников молодых рабочих, с удовольствием подумала: значит, не зря возится со своими девчатами, значит, сердцем чуяла, что это не только ее забота, а важнейшее дело всех кадровых рабочих. И вдруг... перекрестило дыхание.

«Мне приятно сообщить вам,— услышала она слова Леонида Ильича,— что за проявленную трудовую доблесть, большую работу по коммунистическому воспитанию и профессиональной подготовке молодежи Президиум Верховного Совета СССР присвоил высокое звание Героя Социалистического Труда:

Витченко Степану Степановичу — бригадиру слесарей-сборщиков ленинградского объединения «Электросила».

Возманиной Ольге Павловне — прядильнице Ревтовской фабрики Московской области...»

Ольга Павловна так разволновалась, что больше ничего не слышала. А когда пришла в себя, все зал стоя приветствовал, как ска-

зал Л. И. Брежнев, кадровых рабочих и талантливых педагогов С. С. Витченко, О. П. Возманину, Н. П. Печенкина и А. Л. Шаталкина. Слово во сне, Ольга Павловна возвращалась домой и радостно улыбалась, вспоминая события минувшего дня.

...Мы приехали на Ревтовскую хлопкопрядильную фабрику вечером. В тот день О. П. Возманина работала в первую смену, и мы хотели сперва поговорить с ее подшефными девушками, а уже затем — и с самой Ольгой Павловной. Вот что рассказали девушки о своей тете Оле — так они называют О. П. Возманину.

— Если бы не тетя Оля, я бы, наверно, давно ушла с фабрики,— говорит Таня Духанная.— В ФЗУ меня толкну и успели научить, как подходить к прядильной машине. Если что не ладится, зовешь инструктора. А когда пришла в цех, дали не одну, а сразу три машины — на каждой 384 неремена. Крутятся они, как сумасшедшие, нить рвется, на валиках «борода». Забегала я, засуетилась, ничего не успеваю... Ну — и в слезы! Забились в угол и реву. Уеду, думаю, в свою родную деревню, на ферму пойду или... Не успела до конца додумать — что делать, как быти! — чувствую, кто-то гладит по голове: мягко так, по-матерински. Обернулась, обняла эту незнакомую женщину и разревалась: плути пренного. А она дала мне выгладаться, вытерла слезы, взяла за руку и повела к машинам. Показала, как лучше присучивать нить, ошматывать валики и даже как ходить, не выпуская из поля зрения ни одного веретена. Потом повела к своим машинам. Больше всего меня поразило, что все то время, пока хозяйка занималась со мной, они работали, словно часы. Так я познакомилась

К. В. Клиникова и Е. А. Митрофанова знают Ольгу Павловну с 1943 года, когда она двенадцатилетней девочкой пришла на фабрику.

с Ольгой Павловной. С тех пор прошло пять лет, но до сих пор являюсь: и как она успевает не только регулярно переводить план, но и опекать нас!

— Я тоже была изрядная плакса, — подхватывает Люба Копылова. — Но мне повезло иметь, как Таня, первое время я работала не рядом с тетей Олей, а совсем на другом участке. Так что ни покалываться, ни поплакаться было некому. План не выполняла, помощник мастера меня «мучил», заработки небольшие. Замкнулась я в себе, обиделась на весь свет. И вдруг оособоудились машины рядом с тетей Олей. Она не стала меня ни ругать, ни утешать, а предложила походить рядом и посмотреть: «Вот так можно управиться со всеми веретенками». Кстати, Ольга Павловна уже тогда обслуживала три с половиной машины, или, как мы говорим, семь горюнок. Но больше всего меня поражаю одно необъяснимое качество нашей наставницы: работаем мы с ней в разные смены, а у нас будто назло называли — не ладится дело, да и только, как, например, сегодня. И вдруг откуда ни возьмись появляется тета Оля, говорит, пошутит, поможет ликвидировать «завал» и как ни в чем не бывало уходит домой. Цены нет нашей тете Оле! Так и напишете, Я, например, ей во всем верю. И когда выходишь замуж, то без всяких шуток сказала жениху: «Не понравившись тете Оле, останешься холостяком». Но она мой выбор одобрила, — улыбнулась Люба.

— Мне пришлось, пожалуй, труднее всех, — вздыхает Таня Радовская. — Так случилось, что я долго не могла получить постоянных машин, мы их называли «бренными». А была подменной прядильщицей — работа не из лучших: сегодня одна машина, завтра — другая. Но ведь у каждой свой норов, к каждой нужен свой подход, так что нет ничего удивительного в том, что давала я брак. Потом мне повезло: получила три коренные машины, к тому же неподалеку от тети Оли. Позже я узнала, что это произошло не без ее помощи: Ольга Павловна, пользуясь правом группового чека, потребовала: «Перестанте гонять девушку с места на месте!» И настояла, чтобы вывели машины рядом с ее зоной. Тут-то она за меня и взылась! Не все, конечно, шло гладко. К тому же я рано вышла замуж, родилась себестоимая, а в хозяйстве не беру. Я никому не жаловалась, но тета Оля сама все разузнала, сходила в общежитие, добилась, чтобы мне выделили комнату, устроила Снежину в ясли, а если она не дай бог заболит, и советом поспособит и лекарств раздобудет... Нет, это наше счастье, что мы встретились с Ольгой Павловной. Известно, как сложилась бы наша жизнь, не будь ее рядом. Ой, а вот и она, легка на помине!

Девушки бросились в свою любимую тету Олю. Надо было видеть их сияющие глаза, их радость, волнение. Но они хорошо знали: раз Ольга Павловна пришла не в сапогах, значит, не только поговорит о самоучитстве, домашних делах, но и придирочно посплет за тем, как девчата работают. А глаз и нос такой, что заметит малейшую промашку. И действительно, Ольга Павловна надела рабочий халат и деловито шушугала к гудящим машинам.

Репортаж с полей битвы за украинский миллиард
ведут собор «Огоньки»
Станислав КАЛИНИЧЕВ
и художник Леонтий ТУРОВЕЦКИЙ.

КОМБАТЫ СА СЕБЕ

Сейчас будет отдана команда: «По машинам!»

Председатель колхоза имени
XXII съезда КПСС
Григорий Основич Кузин.

На колхозном току готовится
семенное зерно.

Лучший комбайнер колхоза
Иван Трофимович Байко.

...Позавчера здесь, в Бершадском районе, Винницкой области, прошел обильный дождь. Большие ступицы комбайнеров, поворачивая зерно в валки, где-то около половины выехали. И вот, оказывается, снова отсосу. А небо белесое. Парит. Не ровен час — снова дождь хлещет.

И так уже убоорочено. Не только в районе, а по всей области, по всей Украине. Украинский «чаравай-74» берется с бою, с большим напряжением сил. С сентября по май — ни капли дождя, ни пушинки снега, — рассказывает Григорий Основич Кузин. — В районе три четверти озимых пересеклись заною. А с мая и до сей поры дожди мучили. И тем не менее борю по пятисот центнеров зерновым с гектара. А на отдельных массивах пшеница по шестидесяти четыре центнера с гектара дала. План продажи зерна на госустройство колхоз уже выполнил.

Председатель поглядывает на небо и все же решает поамериканить часок с уборкой. Тут и убирать меньше ста гектаров — все, что осталось от нескольких тысяч. На полях парят при вышедшей технике. Восьмь комбайнов с лучшими знаками колхоз отправил в соседние хозяйства.

Когда мы добрались из Винницкого в Бершадский район, то на трассе, в потуже затянутой «бигулей», тямельных рефрижераторов и наполненных зерном бортов машин видели целые караваны зерновых комбайнов, своим ходом спешащие на север. Заведующий сельхозотделом Винницкого обно-

ма партии Владимир Мизанович Шевченко объяснил нам:

— Сейчас в области из южных районов, где жатка закончилась, мы перебрасываем в северные шестьсот комбайнов и пштысь автомобилей. В нынешнем, очень сложном году особую роль играют организаторы — цинорий майнер техники. Жатка началась недели на две позже обычного, частые дожди еще большие растинули все сорняки. А поля под озимые надо вспахать хотя бы за месяц до сева. Поэтому хлеборобы области делают все необходимое, чтобы вслед за комбайном шел трактор с плугом. Одновременно ведется заготовка силоса — главная битва за молоко и мясо. На линии годовности, севопоборочные комбайны, а там должна поспеть кукуруза — второй хлеб. И люди знают: переждать не будет до глухой осени.

— Фронт уборки на Украине движется с юго-востока на северо-запад. Парнями с выполнением своих обязательств по продаже зерна государству заправочные хлеборобы — Днепротровский, за ними Запорожский, потом Донецкой области. Вблизи к этому потапчане, херсонцы. Идет битва за урожай на все украинские хлеборобы во всеоружии.

Новые высокопроизводительные сорта семян, мощный поток удобрений, мелнорация и орошение, механизированные нады механизаторов и обите техники, четкая организация на все уровни управления — вот что придает хлеборобу уверенность в своих силах. Вот о чем увлеченно говорит Григорий Основич Кузин,

председатель колхоза имени XXII съезда КПСС. — Несомненно, лет назад это хозяйство возглавлял выдающийся мастер сельскохозяйственного производства Герой Социалистического Труда Василий Михайлович Кауэн.

— Две трети площади озимых у нас пришлось весной перепахать. Но и тут мы взяли по сорняку — пштысь центнеров зерна с гектара. А в середине июня высеяли гектаров посево выбили град. Там, где была пшеница, сжали кукурузу на силос, чтобы с каждого гектара если не хлеба, то солоном и мясом взять. А гречку — она уме цела — высеяли до корешков. Но мы за один день, 22 июня, все огромное поле снова засеяли гречкой. И вот она цветет во второй половине августа. Уверены, что успеет дозреть.

Нелетный год, — подтверждает председатель главный инженер колхоза Леонид Арсентьевич Карман. — Но мы научились маневрировать. Да и есть чем — больше сель, больше тракторов, шестидесять тысяч различных комбайнов. Появилась возможность в течение нескольких дней перекачать, перепалывать тысячи гектаров, закрывать алагу, обеспечивать водой огромные площади посевов.

Конечно, такие маневры требуют большого планирования сил, партийных организаций республики, сельскохозяйственных министерств, советские органы умело направляют битву за украинский миллиард за прочную базу питания.

КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

Пылающие города, разрушенные селения, десятки тысяч киприотов — греков и турок, — вынужденных покинуть родные места, всеобщее ожесточение — таков трагический диапазон кипрского кризиса.

Маленький остров буквально разрывают на части. Зловещая туча агрессивных кругов НАТО, рассчитывающих «не мытьем, так катаньем» втянуть остров в систему Атлантического блока, сделать его, по словам французской газеты «Орор», «авианосцем альянса», таянется над Кипром...

Особенностью «второй фазы кризиса», как называют последние события на острове, является изменение методов действий агрессивных кругов НАТО при сохранении прежней цели.

Вначале задача подрыва независимости Кипра была поручена хунте «черных полковников» и их агентуре: прибрать Кипр к рукам путем «визюляса» — присоединения к Греции, насидеть там макинонотное правительство и попытаться заставить международную общественность принять все это как «свершившийся факт».

Однако благодаря энергичной позиции Советского Союза и других миролюбивых сил, категорически выступивших в поддержку суверенитета республики, этот замысел был сорван. Принятая Советом Безопасности резолюция № 353 предусматривала восстановление законного правительства Кипра, выход всех иностранных вооруженных сил с острова и обязывала все государства уважать целостность и независимость Кипра.

В результате «кипрской авантюры» разверзлась пропасть, в которую канул режим «черных полковников» в Греции, а вместе с ним и самозванное «правительство» на Кипре.

Создались реальные условия для урегулирования конфликта путем применения резолюции Совета Безопасности и восстановления конституционной власти на Кипре.

Однако такой исход кризиса меньше всего устраивал организаторов заговора против Республики Кипр. «В связи с кипрской драмой, — справедливо писала французская газета «Юманите», — Атлантический союз предстает в своем истинном свете: это оружие напряженности и войны». Если «визюляс» не удался, то нужно организовать «двойной визюляс» — раздел острова, — таков был замысел заправки НАТО.

Нетрудно заметить, что таким образом эти круги хотели бы решить «двойную задачу» — закрепить на острове позиции НАТО, а с другой стороны, добиться урегулирования находящихся на грани войны отношений между Турцией и Грецией за счет Кипра. Иначе говоря, острову, согласно этим планам, отводилась роль своего рода «разменной монеты» для оплаты пошатнувшейся «атлантической солидарности» в Средиземном море.

Но реальные закономерности жизни, новые тенденции в международных отношениях поставили настоящих заговорщиков перед сложными проблемами: Греция вышла из военной организации блока.

Меры нового греческого правительства были с одобрением встречены населением страны. По Греции прокатилась волна демонстраций. «Большинство греков приветствует выход из НАТО», — сообщает корреспондент «Нью-Йорк таймс» из Афин. «Решение правительства о выходе из военной организации НАТО», — пишет греческая газета «Акрополис», — не только своевременно и оправдано, но и полностью отвечает воле народа».

Взятый в более широком аспекте выход Греции, ранее считавшейся «наиболее лояльным членом альянса», обусловлен не только позицией блока в связи с «кипрским кризисом», но и растущим стремлением избавиться от «атлантической опеки», как неспособной обеспечить национальные интересы страны. И такие настроения присущи не только Греции. Как иронически писала западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне», «начиная с шестидесятых годов некоторые страны устали от пребывания в НАТО...».

В свое время Франция вышла из военной организации блока, сегодня — Греция. Не будут ли эти примеры заразительны и для некоторых других членов НАТО?

В эти дни в западной печати можно прочесть и такие рассуждения: выход Греции из военной организации НАТО связан с вопросом о судьбе американских баз и баз НАТО в Пирее, на Крите и островах Эгейского моря. Поэтому «ценность» кипрского авантюры «для атлантической стратегии» особенно возрастает.

Заговорническая деятельность агрессивных кругов НАТО привела к тому, что Республика Кипр переживает сейчас один из наиболее трагических периодов своей истории. Поставлено под угрозу само существование независимого государства, члена Организации Объединенных Наций.

«Руки прочь от Кипра!» — таково требование всех людей доброй воли, всех, кому дорог мир и безопасность народов. Выступивший на заседании Совета Безопасности представитель СССР Я. А. Малик заявил, что Советское правительство категорически настаивает на незамедлительном прекращении иностранной военной интервенции против Кипра, выводе с острова всех иностранных войск, восстановлении конституционного правительства Республики Кипр и всех институтов этого правительства.

Кипрский вопрос не может решаться в «атлантическом контексте». Независимому и суверенному Кипру должна быть предоставлена возможность проводить политику неприсоединения в соответствии с законными желаниями его народа.

КОЛОННА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Никозия, 19 августа здесь состоялась массовая демонстрация протеста против политики НАТО и Соединенных Штатов в кипрском вопросе.

Вышедший в это время из здания посольства посол США на Кипре Р. Дэвис был убит несколькими выстрелами в грудь.

Агентство АП, ссылаясь на своего корреспондента в Никозии, утверждает, что по посольству США стреляли из толпы демонстрантов члены нелегальной террористической организации «Зюка-2».

На снимке: солдаты уносят тело убитого посла Р. Дэвиса.

Телефото ЮПИ — ТАСС.

П О З Д РА В Л П О Б Е Д И Т Е Л Е Й К О Н

ПРИГЛАШАЕТ «ОРБИС»

«Орбис» рад приветствовать на страницах «Огонька» победителей конкурса, посвященного ГНР. По путевкам нашего бюро путешественники десять лауреатов совершат поездку в Польшу. В прошлом году нашу страну посетили около семи миллионов иностранных туристов. Самое большое число путешественников — из Советского Союза.

Уже в декабре 1944 года в Люблине появилось отделение «Орбиса». Бюро организует путешествия по стране и за границу.

Мы предлагаем своим гостям большой выбор: для тех, кто предпочитает отдых в горах, — Татры, Судеты и Бескиды; для любителей морских курортов — Сопот, Коломбже, Свинуюйска. Самый популярный маршрут — по ленинским местам в Польше. Сюда входят Краков, Поронин, Бялы-Дунаец, Новы-Тарг. Эти места окружены особой заботой, свидетельства чего — музеи в Кракове, Поронине и Люблине. Память о Ленине живет и в таких гигантах современной польской индустрии, как Нова-Гута и верфи в Гданьске, которые называют именом вождя. Их также посещают многочисленные группы туристов.

Нас очень радует интерес советских граждан к народной Польше. В результате туристического обмена рождаются новые знакомства. Они перерастают в дружбу, способствуют тем самым дальнейшему укреплению неразрывных уз, которыми связаны народы Польши и Советского Союза.

Зенон НОВАКОВСКИЙ,
директор представительства
польского бюро путешествий «Орбис»
в СССР

Конкурс «Моя встреча с Польшей» завершен. На состоявшемся заседании жюри подвели итоги.

ПЕРВОЙ ПРЕМИЕЙ — ТУРИСТСКОЙ ПУТЕВКОЙ В ПОЛЬСКУЮ НАРОДНУЮ РЕСПУБЛИКУ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ ПОЛЬСКИМ БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ «ОРБИС», НАГРАЖДАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ТОВАРИЩИ:

БОБОВНИКОВА Н. В. — работница полиграфического комбината (г. Калинин); БУШКОВ Р. А. — школьник (с. Мари-Турек, Марийская АССР); ВОЗНЮК Н. К. — токарь книгобазы «Дальний Восток» (г. Владивосток); ГОГЕБАШВИЛИ Р. А. — экскаваторщик на строительстве Ингури-ГЭС (г. Гали, Абхазская АССР); КОРОЛЕВ В. С. — инженер (г. Киев); КУДЕЛИН А. В. — инженер-солог (г. Кировск, Мурманская обл.); ЛОБАЧЕВА А. Г. — пенсионерка (г. Рига); МАРЧАН Г. Д. — старший мастер автомобильного завода (г. Луцк); МАРЧЕНКО Э. Ф. — врач-педиатр (г. Орша, Витебская обл.); МОНОГАРОВА Н. Н. — инженер-технолог (г. Ленинград).

ПОООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗЫ ПРИСУЖДАЮТСЯ:

Белгородскому областному отде-

лению Общества советско-польской дружбы; Клубу интернациональной дружбы школы № 2 г. Иванова (руководитель А. Ф. Щербакова); Львовскому областному отделению Общества советско-польской дружбы;

а также следующим товарищам: АБРАМОВУ А. Ф. — персонально-му пенсионеру союзного значения (г. Москва); БЕЛОВОЙ Р. М. — библиотечнику (пос. Капустин Яр, Астраханская область); ДАНИЛЕНКО В. И. — педагогу (г. Севск, Брянская обл.); ДОМРАЧЕВУ Е. Л. — машинисту подъемных машин комбината «Интауголь» (г. Инта, Коми АССР); ЗАКОМЛИСТОВОЙ В. — школьнице (пос. Пригород, Башкирская АССР); ИВАНОВОЙ Н. И. — продавщице (г. Нарва, Эстонская ССР); КИСЕЛЕВУ О. И. — старшему технику-технологу завода «Красный молот» (г. Грозный); ЛЫВШУ В. М. — преподавателю Белорусской сельскохозяйственной академии (г. Горки, Могилевская обл.); МАЛАХОВУ Н. С. — инженеру (г. Кишинев); МАХМАКОВУ А. — студенту (г. Исфара, Таджикская ССР); МИРОШНИЧЕНКО М. А. — мастере (г. Ха-

«МНЕ ПО ДУШЕ ПОЛЬША»

Конкурс «Моя встреча с Польшей» вызвал большой интерес у читателей «Огонька». Мы получили сотни писем, авторам которых было что рассказать о Польше, нашем соседе и друге, о том, как много связывает их с братским народом.

Среди работ, поступивших в редакцию, — альбомы, книги, коллекции марок и даже монеты. А Лия Тыгинская, школьница из Иркутска, прислала нам куку, одетую в польский национальный костюм.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию работу десятиклассницы Русланы Бушковой из села Мари-Турек, Марийской АССР. Он прислал в редакцию свой первый фотопортрет.

«...Дома из польских товаров я ничего не нашла и страшно огорчилась. И вдруг — какая радость! — извлечена из глубины шкафа коробочка с надписью «Изготовлено в Польше». В ней оказалась мазь — охиснит. И вспомнил, что зимой, когда у меня болели глаза, врач прописал это средство, и оно здорово помогло. Находка привела в районную аптеку, где я увидела длинный список имеющихся здесь польских лекарств. Зна-

чит, и польские фармацевты стоят на службе здоровья моих земляков.

Жители нашего села с удовольствием покупают товары, сделанные в Польской Народной Республике. В центральном универсаме Мари-Турек я сделала эти снимки. В тот день в магазине были чепчики, сумки, мужские костюмы и лодыжская ткань. Наконец, кто покупал эти вещи, нравился их отел, приятный внешний вид и добротность.

Я не был в Польше. Но благодаря конкурсу «Огонька» я все-таки путешествовал по этой стране не неделю, не месяц, а целых 66 дней! Первое знакомство с ней состоялось в школе. Учительница географии дала всем задание собирать материалы о какой-либо стране. Одному захотелось взять ГДР, другому — Болгарию, а мне по душе была Польша. Ребята прозвали меня «специалистом по Польше». Я-то знаю, что еще не стал им.

И вот ваш конкурс. Трудными были его вопросы, но зато я узнал намного больше, чем написал в учебнике, и действительно стал в какой-то мере «специалистом» по этой стране. Спасибо!

село Мари-Турек,
Марийская АССР.

Руслан БУШКОВ

Я ЕМ КУРСА!

баровски); НИГМАТУЛЛИНУ К. Х. — фотографу (г. Казань); ОВСЯНИКОВУ Н. С. и РОМАНОВУ С. В. — рабочим (г. Москва); РЕШЕТНИКОВОЙ И. Л. — студентке машиностроительного института (г. Ворошиловград); СОЛОМАТИНУ В. П. — военному служащему (Читинская область); супругам ТЕРЕНТЬЕВЫМ Л. В. и М. П. (с. Мыда, Ямало-Ненецкий национальный округ); ТЫЛИНСКОЙ Л. — школьнице (г. Иркутск); ФЕДОРОВУ Н. Н. — пенсионеру (г. Москва); ШАКИРОВОЙ В. М. — технику-гидрологу (г. Ташкент); ШАРИПОВУ Р. А. — сельскому строителю (с. Ташлак, Узбекская ССР).

Жюри конкурса поздравляет победителей и сообщает, что лауреаты первой премии совершат поездку в ПНР в октябре этого года. Остальные награды будут разосланы победителям в ближайшие два-три месяца.

Лучшие из присланных на конкурс работ будут переданы Обществу польско-советской дружбы и отправлены в Варшаву.

Документы, снимки, которые участники конкурса просили выслать обратно, редакция вернет к ноябрю этого года.

ВО ИМЯ МИРА

«Трудные дороги мира» — так называют киноленту, созданную режиссером А. Колосым на Центральной студии документальных фильмов по его совместному с К. Лавровым сценарию.

Главная тема кинофильма — осуществление Программы мира, принятой XXIV съездом партии.

В фильме запечатлены встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями США, Франции, ФРГ, Индии и других стран, ставшие важными вехами упрочения мира между народами, ярким доказательством превращения в жизнь ленинских принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Мы видим на экране представителей зарубежной общественности и деловых кругов: все это высоко оценивают вклад КПСС в дело сохранения мира. Американский промышленник А. Хаммер, в свое время встречавшийся с Вла-

димиром Ильичем Лениным, отмечает в киноинтервью:

— Ленин говорил, что сосуществование двух систем возможно и необходимо. Примечательно, что Л. И. Брежнев проводит ту же самую политику мирного сосуществования: он действительно идет по ленинскому пути.

Борьба за мир — незыблемая основа внешнеполитического курса СССР. Достаточно вспомнить, что первым декретом Страна Советов был Декрет о мире. Неслыханной ценой отстоял и в последующие годы наш народ право на мирный труд — именно об этом рассказывают кадры кинохроник военных лет... Напоминая о прошлом, они красноречиво говорят: ужасы войны не должны повториться, мир должен быть сохранен, а это требует от всех людей доброй воли активного противоборства с идеями милитаризма и ревизиции.

Все страницы кинодокумента пронизаны словами товарища Л. И. Брежнева: «Хотите мира — проводите политику мира, борись за эту политику».

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ И ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Не было в жизни польского народа события крупнее и радостнее, чем провозглашение 30 лет назад народной власти. Этой дате была посвящена юбилейная выставка в Москве — самая крупная зарубежная экспозиция Польши. За месяц ее посетили миллион тысяч гостей.

Вместе с входным билетом я получил значок, на котором изображена эмблема выставки. У большинства посетителей ВДНХ — такие же значки. Шесть бело-красных значков расцели на вышитой украинской рубашке и полосатом турнемоном в холл. С достижениями социалистической Польши познакомился не только москвич.

Взгляд привлекает огромный, в натуральную величину гребной винт. На стендах — модели кораблей. Судостроение. В нем история Польши. Рудоголовый «Солд» — малютка рядом с «Маршалом Буденным». «Солд» — первое польское океанское судно. «Маршал Буденный» — гигант водоизмещением в сто с лишним тысяч тонн, строящийся по советскому заказу на верфи в Гдыне.

По тоннажу спускаемых ежегодно на воду рыбопромысловых судов республика занимает ведущее место в мире.

Наука и техника — впервые в истории польских выставок — был отведен особый раздел. Стояла отбавала «атаки» посетителей электронно-вычислительная машина «Р-30». За пять секунд она отвечала на любой из ста вопросов, указанных на табличке. «Р-30» принадлежит к одному ряду ЭВМ, разработанным странами СССР, и создана польскими и советскими конструкторами.

Самые крупные экспонаты разместились под открытым небом. Посетители с интересом наблюдали за работой экскаватора. Движения новизна экзотична и точны: должно быть, ими управляет умелая рука. Но... таблица пуста. Сигналы посылаются по радио. Такие машины незаменимы в сложных условиях работы: управ-

Миллионному посетителю выставки «30 лет социалистической Польши» слесарю-сборщику завода имени Владимира Ильича М. И. Кисину вручено приглашение посетить ПНР.

Для них можно с расстояния до трех километров. На соседней площадке — «М-15», первая в мире реактивный самолет для сельского хозяйства, плод польско-советского сотрудничества. Застыли тысячелетние тягачи, семейство польских «Фатов».

Выставка эта — визитная карточка сегодняшней Польши. Свидетельство преобразующей силы социализма, успехов страны, шагающей в дружном строю социалистических государств.

Б. ЛАТУНТИН

Поздравлять с покупкой!

На любой вкус!

ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Академик Ф. В. КОНСТАНТИНОВ,
президент Философского общества,
академик-секретарь отделения философии
и права АН СССР

Главная проблема современности, которая волнует народы,—это прежде всего борьба за мир и мирное сосуществование двух противоположных систем, за разрядку международной напряженности, против сторонников «холодной» и «горячей» войны, сил милитаризма, гонки вооружений. Все идеологические и теоретические проблемы, от вопросов философии и социологии и до политических теорий, прямо или косвенно связаны с этой проблемой. Борьба за мир и социализм — та она, вокруг которой вращаются все другие проблемы нашего века.

На XXIV съезде Коммунистической партии Советского Союза выдвинула Программу мира. Политику мира, столь важную для судеб всех народов, последовательно проводил Советский Союз, наша партия во главе с Леонидом Ильичом Брежневым.

Великий учитель и вождь Владимир Ильич Ленин, партия большевиков еще в канун первой мировой войны подняли знамя борьбы за мир и социалистическую революцию. Под этим знаменем КПСС создала и сплотила великую армию борцов против войны. Война в наш век ядерного оружия представляет великую опасность для народов, для самой жизни на земле. Вот почему борьба нашей партии, борьбы всех социалистических стран за дело мира, за разрядку международной напряженности, разоружение имеет всемирно-историче-

ское значение: она выражает коренные интересы всех народов, Зная борьбы за мир собирает вокруг себя сотни миллионов людей.

Программа мира вытекает из природы нашей партии, из социалистического строя, сущности марксистско-ленинской философии. Ведь еще Карл Маркс писал, что когда победит социализм и властелином мира будет труд, придет конец войнам: «...Б противоположность старому обществу с его экономической ищетой и политическим базисом нарождается новое общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — Труд!»

Только учение Маркса — Ленина дает глубокое научное обоснование перехода от капитализма к социализму как закономерного явления, подготовленного всем ходом предшествующего развития общества и противоречиям капитализма. Мировая социалистическая система — это то, к чему придут в конце концов все народы, а марксизм-ленинизм — их компас на этом пути. Именно поэтому вся энергия, весь огонь со стороны идеологов буржуазии сосредоточены на критике марксизма-ленинизма.

Словения формы приобретает ныне эта борьба — прямые, открытые, и косвенные, завуалированные, но любые удары наших противников не имеют исторической перспективы.

Сейчас в философии капиталистического

общества нет единого направления, которое могло бы противопоставить себя диалектическому и историческому материализму. Одно время модным был (да еще остается сейчас) так называемый экзистенциализм. Сторонники его — немецкие философы Ясперс, Хайдеггер и французские — Сартр и Камю. Но это направление неоднородно. Оно включает в себя так называемое «левое» крыло — во главе его стоит Сартр, ныне сближающийся с маоизмом, — и «правое», возглавляемое Хайдеггером, сотрудничавшим в свое время с фашистами.

Другое направление в буржуазной философии — позитивизм со всеми его разновидностями. Одна из характерных его черт — отрицание объективных законов в природе и обществе. И крайне правое направление буржуазной философии — это неопозитизм, основы которого были созданы еще в середине века Фомой Аквинским; ныне это учение пытаются приспособить к современным условиям, примиряя религию с наукой, веру и разн.

Буржуазные философы, критикующие марксизм, хватаются перед сторонниками диалектического материализма тем, что в буржуазном обществе существует множество философских направлений, а в Советском Союзе лишь одно — диалектический материализм. Но многообразие философских школ вовсе не догматизм, а признак раздора и наличия разноречивых социальных сил, противостоящих друг другу. Заблуждений, ошибочных взглядов, тенденций может быть много, а истина лишь одна.

В каждую историческую эпоху передовой философией, отражающей коренные проблемы времени, была лишь та, которая наиболее полно выражала назревшие исторические задачи. Так, в канун Великой Французской революции XVIII века передовой, революционной философией являлась материалистическая философия Дидро, Гольбаха, Гельвеция, а также Руссо и Вольтера. В Германии в канун буржуазной революции возникла немецкая классическая буржуазная философия Канта, Фихте, Гегеля.

Передовой, революционной философией, созданной в середине XIX века Марксом и Энгельсом и творчески развитой далее в XX веке Лениным, является философия диалектического материализма. Она представляет собой выражение и отражение современной революционной эпохи, ее великих проблем. Эта философия в корне враждебна догматизму, ибо ее сердцевину составляет материалистическая диалектика.

Наша революционная эпоха несет ярко выраженный диалектический характер, то, что можно назвать диалектикой в действии. Поступательное развитие в целом в ряде случаев сменяется иногда некоторым спадом или даже зигзагом, дающим назад. Примером могут служить события в КНР, расцвет там шовинизма, антикоммунизма, блатничество с самими реакционными силами современности.

Только марксистско-ленинская философия, состоянием которой и объясняет этот сложный процесс развития, полный различных противоречий.

Материалистические концепции, распространенные в буржуазной философско-социологической мысли, носители которых были революционными процессам как огня, хотели бы уловить сложнейшие социальные процессы современности в прокрустово ложе плоско-эволюционных теорий.

Социологическим выражением этих взглядов являются модные на Западе теории «индустриального» и «постиндустриального» общества, созданные Арноном во Франции, Беллом, Бжезинским, Ростоу в США. Буржуазные социологи выдвинули эти теории в противовес историческому материализму, который, как известно, рассматривает общество как исторически изменяющуюся категорию в виде целостной системы общественных отношений, средой которой являются производственные отношения. Теория же «индустриального» общества в качестве основного фактора берет не производственные отношения, а индустрию, технику и науку. Она игнорирует всю сложность социальной структуры, движущие силы и реальные закономерности общественного развития. Как буржуазная альтернатива коммунизму, социологи этого направления выдвигают апостатиче-

альное» или «технонторное» общество. Например, Д. Бейл открыто заявил, что вся социология XX века, в сущности, представляет собой диалог с Марксом, а современные социологи, теории «постиндустриального общества» — это поспешные попытки «нагнать» здесь означает «попес марксизма, а с наших позиций» — его извращение, ополчение, приписывание к потребностям, вкусам буржуазии некоторых положений марксизма о роли техники.

Живые люди, общественные классы, собственности, отношения людей в процессе производства — все это игнорируется. Таким путем удается стереть принципиальную разницу, антагонизм двух противостоящих друг другу социально-экономических систем — социализма и капитализма. Вроде бы и тут и там — «индустриальное» общество, а то, что (самая главная!) формы собственности различны: с точки зрения буржуазных теоретиков несущественно; то, что при капитализме цель производства — несытная жажда прибыли, накопление прибыли любой ценой, а при социализме — благо народа, удовлетворение насущных потребностей общества, неважно.

Интересно, что еще в начале нашего века Владимир Ильич Ленин критиковал буржуазных теоретиков Струве, Бердяева, Булгакова, характеризовал их воззрения как отражение марксизма в буржуазной литературе. Современные буржуазные социологи, теоретики «постиндустриального», «постиндустриального» или «технонторного» общества — это не менее уродливые, вульгарные, карикатурные отражения марксистского учения о роли индустрии, техники в развитии общества.

Характерной особенностью марксизма является исторический подход: каждая общественная формация рассматривается в своем развитии, как единство, развития и неизбежного перехода к другой, высшей формации. Этот переход носит революционный характер, и революцию осуществляют передовые классы. В теории «индустриального», «постиндустриального» или, как у Бейзменко, «технонторного» общества (производное от слов «техника» и «электроника») ставит своей задачей доказать, что капитализм, достигнув своего наивысшего развития, вступил в стадию застоя, а наш век, когда все в мире находится в развитии, трудно защищать капитализм как нечто неизменное. Поэтому им приходится соглашаться, что он неизменяем.

Всех утверждения, что изменилась природа капитализма, его сущность, — чудовищная ложь. Конечно, капитализм промышленный, каким он был в XIX веке, сменился монополистическим капитализмом. Уверенность господство гигантских монополий с их всевластием в экономике, социальной жизни, политике, духовной сфере. Для современного капитализма характерны углубляющиеся, растущий антагонизм пролетариата и буржуазии. Вот это-то и пытаются скрыть, замолчать, затуманить теории «индустриального» общества.

Однако их усилия тщетны. Растущая классовая борьба в корне опровергает все теоретические хитросплетения апологов буржуазного общества.

Меня могут спросить, ведь мировая система капитализма никак существует не только в теории, но и в реальной жизни. Как же оценивают этот факт буржуазные фальсификаторы?

Если углубляться, они пытаются представить капитализм и социализм тождественными системами единого «индустриального» общества. Такой подход служит открытой, а иногда замаскированной пропагандой бесплодной теории конвергенции. Сторонники этой теории надеются, что социалистическое общество и капитализм под воздействием научно-технической революции изменятся, приобретут общие черты и в конце концов сольются в одно «постиндустриальное» общество.

Теория конвергенции не учитывает коренной противоположности двух социальных систем — социалистической и капиталистической, противоположности, определяющейся способом производства, классовой структурой и всеми вытекающими отсюда законами экономического, политического и социального развития. Она рассчитана на дезорганизацию социалистических сил и на защиту капитализма, его устоев.

Однако сейчас более дальновидные идеологи буржуазии под давлением реальных фактов

уже отказались от этой теории. Конвергенция индустриальных обществ, пишут эти буржуазные социологи, мешает противоположность политического строя и различные соотношения тут и там идеологии.

В этой связи ими выдвинуто новое лозунг — «двойная идеология». Конечно, речь идет не об идеологии вообще и не о буржуазной идеологии, частью которой, несомненно, является и теория «индустриального» общества. Теория так называемой теории идеологизации хотели бы идеологизировать лишь социалистическое общество, социалистические страны и коммунистические партии, иными словами, идею разрушить их.

Теория «индустриального» общества, теория конвергенции и теория идеологизации внутренне связаны друг с другом и представляют собой формы идеологической, теоретической борьбы против стран социализма, против марксизма-ленинизма как самого влиятельного мировоззрения современности.

Человека волнуют вопросы не только настоящего, но и будущего. Сейчас возникла специальная дисциплина — футурология. Представители футурологии строят различные прогнозы о том, что ожидает народы, человечество в 20, 30, 50 лет. В 2000 году, по прогнозам, под таким названием выйдут много книг, статей. Экономические, социологические и философские прогнозы о будущем в капиталистических странах часто носят пессимистический, мрачный характер.

Например, в нашей печати было опубликовано эссе выдающегося немецкого ученого-философа Ханса Бора. Его размышления проникнуты чувством пессимизма, тревоги в связи с отрицательными последствиями научно-технической революции в западных странах. Глубоким пессимизмом проникнуты выступления известного английского историка Арнольда Тойнби. Его волнует упадок нравственности, кризис духовной культуры. Эта же черта характеризует автора книги «Революция надежд». Пророки американского социолога, Арнольд Тойнби американский социолог, Тоффлер, назвал свою книгу «Футуршок» — шок перед будущим. Даже такой яростный защитник капитализма как Арнольд Тойнби, даже эта книга «надежды в прогрессе». В этой книге наглядно отражение событий конца шестидесяти годов во Франции, Италии и других капиталистических странах.

Обезнается это прежде всего тем, что научно-техническая революция, по мнению руководителей и идеологов капиталистического мира, могла разрешить все противоречия, вылечить все болезни и язвы буржуазного общества. Но, как показала жизнь, научно-техническая революция не только не разрешила старые противоречия и антагонизмы капиталистического общества, а, наоборот, обострила эти антагонизмы. Мало того, она породила новые противоречия, прежде всего относящиеся к положению человека, личности в капиталистическом обществе, где эта личность обезличивается, превращается в «атом», в «технического человека», в антитезу гигантской производственной и социальной машины. Силы, созданные человеческим гением, разумом, плано в результате какого-то злого заклинанья, обращаются против самого человека — творца науки и техники.

Все это вызывает чувство тревоги, растерянности, страха. Оно определяет настроения, выселяет интеллигенции капиталистических стран. В свете этого следует рассматривать и теория «индустриального» общества и конвергенции как выражающие и усиливающие тенденции капиталистического мира. Эти теории призваны усыпить умы, поработать души, дать некую ложную ориентацию в бурном океане социальной жизни.

Как показал исторический опыт нашего великого века, только теория марксизма-ленинизма выдержала историческую проверку временем и революционной практикой. Только она дает ответ на великие проблемы эпохи: где, в чем заключены коренные противоречия нашего времени, где главные силы, способные их разрешить, как обеспечить прочный мир, мир без оружия и войны для больших и малых народов, как повлечь к социализму и коммунизму. В этом заключается сила и жизнеспособность великой марксистско-ленинской теории, ее философия.

ЭФИОПИЯ: НА ПУТИ ОБНОВЛЕНИЯ

По столице Эфиопии Аддис-Абебе, что в переводе означает «новый цветок», разнотравие на вооруженных пулеметах «джинжал» патрули, одетые в полковую форму.

Движение за обновление Эфиопии началось в феврале этого года, когда вслед за забастовкой преподавателей, водителей автобусов и таксистов Аддис-Абебе, армейские части и заселенные в Эритрее, северной провинции Эфиопии, подняли мятеж.

Солдаты потребовали отставки продажного правительства Ахлилу Аббе Вольда, борьбы против голода и нищеты, а также реформ, которые подымали бы среднеевское общество Эфиопии на уровень XX века.

Военные взяли комендантский час, захватили радиостанцию, аэродром, банки. Вооруженные силы Эфиопии фактически полностью взяли в свои руки контроль над положением в стране. За последние пять месяцев арестовано более 150 высших министров, губернаторов провинций, высших государственных чиновников и других лиц, обвиняемых в коррупции и злоупотреблении властью. Власть под страну министр обороны генерал-лейтенант Аббей Абба и командующий императорской гвардией генерал-майор Тафессе Лемма.

Для рассмотрения дел арестованных созданы специальные следственные комиссии с представителями правительства, парламента, армии и полиции.

По требованию координационного комитета вооруженных сил Эфиопии провозглашена свержения правительства. Вместо вышедшего в отставку Энделеху Махонена император Хайле Селассие I назначил новым премьер-министром Минали Имуру, видного политического деятеля Эфиопии.

Первым конкретным актом деятельности нового кабинета во главе с Миналем Имуру стало оборудование проекта конституции Эфиопии. Она предусматривает установление в стране конституционной монархии. Национальное собрание будет состоять из двух палат. Возрастной избирательный ценз сокращен с 21 до 18 лет. Премьер-министр, избираемый на 4 года, ответствен перед парламентом. Конституция гарантирует расширение гражданских прав народа. Предусматривается серьезная реформа системы землевладения, налогообложения и оздоровления экономики.

Философия общественности с удовлетворением встречает предпринятые правительством координационным комитетом шаги направленные на осуществление программы реформ.

В. ДУНАЕВ

Демонстрация студентов в Аддис-Абебе.
Фото из журнала «Штерн».

ВЫСЫЛКА

Борис ПОЛЕВОЙ

Когда, вспоминая, я думаю о моем давнем и добром друге художнике Николае Николаевиче Жукове, которого уже нет среди нас, в памяти всплывает такая картина.

Разгар Сталинградский битвы. Хмурая, осенняя Волга, в которой отражаются дымы негаснущих пожаров. Знаменитая 62-я армия. Перебравшая, обстреливаемая с воздуха и из-за реки. Балочка безымянного ручья, впадающего в реку, и тихая нервная человеческая суета в этой балке.

Здесь, под защитой глинистых откосов, скрывающих для переправы подразделения сибиряков, перебрасываемые из фронтового резерва за реку, в пекло неистощающей битвы. Сейчас они здесь, в пестрой осенней зелени Ахтубинской поймы, а через малое время под обстрелом пересекут реку и сразу же окажутся на передовой среди запоздалых развалин, над которыми не устанет гулеть смерть.

На берегу у причала принимает на Борт части пополнения старенький, выдавший виды израненный речной трамвайчик, а рядом на столбе дощатый круг навигационного знака, тоже обрызганный осколками. Вместо знака на нем теперь плакат: солдат в пилотке лежит у пулемета, махиная гашетку. Он ведет огонь, этот пожилой солдат, и на лице его, напряженного до судороги, такая ярость, что ясно — он стоит на смерти, никто и ничто не оторвет его от боевой работы. Я не помню слов, написанных на плакате. Зато отчетливо вспоминается, что вокруг все время до самой погрузки в тиком, соседствующем с созерцанием теснившихся солдат, как бы подбавляла свои нравственные аккумуляторы перед тем испытанием, которое ждало их в пылающем, громящем городе за хмурым, озбышней рекой.

И еще отчетливо помню, что в нижнем уголке под рисунком стояли две такие знакомые мне буквы «Н.Ж.», означавшие: Николай Жуков.

Сколько графических листов, картонов, сколько портретов, зарисовок, иллюстраций, плакатов, сколько тончайших акварелей оставил этот человек, уходя из жизни. Они надолго останутся жить, и с ними — автор, умевший вкладывать в любую работу частичку самого себя, свою душу, свою мысль, мечту. Вероятно, поэтому и сейчас трудно говорить о нем в прошедшем времени. Перо не поднимается написать «он был». И образ его, жизнеудачный образ веселого, подвижного, деятельного, немножко суетливого, но при всем том организованного, целеустремленного, доброго, отзывчивого человека с незауваженной юмористической искрой в узеньких зорких глазах, живо встает передо мной, как только укачу я эти буквы — «Н.Ж.»

Мы познакомились с ним на Калининском фронте в суровую войнуную зиму сорок первого года. В какой-то дивизионной газете увидел я боевые зарисовки, исполненные необыкновенно точным и четким пером. Они сразу привлекли внимание не только мастерством исполнения, но особым, зорким проникновением во фронтовой быт. Подписанного еще мне тогда не говорила. Заехал в редакцию, поинтересовался:

— Кто это у вас так здорово рисует?

— Как вы знаете? — с удивлением и даже с некоторой обидой переспросил редактор — Николай Жуков, тот самый, кто иллюстрировал книгу «Воспоминания о Марксе».

Сказавшимся действительно очень интересные рисунки, убедительно вводившие нас в середину прошлого столетия, в эпоху Маркса и Энгельса. Разумеется, захотелось познакомиться с художником.

— А он в редакции не сидит, всегда в частях, там, где горючо. Последние рисунки попутный офицер связи привез из... — Редактор назвал деревню. Мы отыскали его на карте; это было место, где в те дни шли ожесточенные бои... — У него принцип, — продолжал редактор, — что-то вроде идеи-фикс: все надо видеть своими глазами. Между прочим, научился рисовать в теплых рукавицах, булавкой прикрепляет к ним карандаш.

— Помню же в рукавицах! — задал я неловкий вопрос.

— Хлодую. Костров на передовой не зажигают.

Знакомство наше тогда так и не состоялось. Оно произошло позже, весной, когда Полуправление фронта, при котором теперь уже состоял Н. Жуков, находилось в маленькой теорской деревеньке Ульяновка.

В те дни я только что вернулся из немецкого тыла, из непокорившихся еще, продолжавших жить в тылу врага по советским законам, из партизанских деревень, прятаящихся в болотном кране, куда неприятель и носа не показывал. Был канун Первого мая. Я летал туда, к этим непокоренным людям, чтобы забрать их коллективное письмо, адресованное Центральному Комитету партии, в котором они повествовали о своем нелегком, но героическом житье-бытье. А вернувшись к себе «домой», то есть в Ульяновку, узнал, что художник тоже только что вернулся от партизан, но с другого направления. И увидел я его в полной партизанской справе, в ватнике, в какой-то бараньей шапочке с торчащими в разные стороны лоскутатыми ушами, загорелого, небритого, в разбитых кирзовых сапогах, с волосами, нависающими сосульками над висками, не тронутым загаром лбом, напичканного одного из тех героических партизан, с которыми я только что встречался.

И тут мелькнула мысль: а что, если к коллективному письму, которое завтра повезу в «Правду», попросить его сделать иллюстрацию?

— Ну а срок? Вчерашний день, наверно! — без брони спросил он.

— Не вчерашний, но завтрашний. К утру рисунок должен быть готов: самолет в Москву вылетит на заре.

— Ну что ж, попробуем, — согласился новый знакомый и распылал на столе целый веер зарисовок на обычных бумажках, на обложках школьных тетрадей. Зарисовки были торпильные, сделаны явно в спешке, тем не менее поражала точность, лаконичность линий, зоркость художественного видения.

— Сделав, Мо попросу создать для меня творческие условия, — произнес он, хитро подблесывая узенькими своими глазами и складывая в трубочку публичные губы.

— Что за условия?

— Над душой не стоять и в затылок мне не дышать... Гуляйте там, на улице.

Утром, когда на посадочной площадке уже трещал мотор вездесущего самолета «У-2», который должен был отвезти в Москву письмо непокоренных моих земляков, я появился перед окном жуковской обители. В глубине виднелась курдавая голова, опущенная над столом. Потом в окне появился и сам Жуков. Отставив руку, прищурился на свое произведение, подлигнул сам себе и, проткнув мне рисунок, заявил:

— Вези, а я пошел спать.

Сидя в кабине самолета, я не раз оговоренно, чтобы встречный ветер не вырвал и не унес, развертывая и рассматривая этот довольно известный теперь рисунок, помещенный в свое время на первой странице «Правды» под названием «Утро в партизанском лесу», — ложную, добрую и почтуную во всех деталях композицию, как бы сдвинувшую в себе десятки эскизов, торпильно набросанных на клочках бумаги и на обложках ученических тетрадей.

В дни войны художник был неотъемлемым воином, яростно сражавшимся с оккупантами силой своего профессионального оружия. Из-под острого его карандаша выходили зарисовки, инженерные иллюстрации, листовки — очень тонкие, обращенные к сознанию немецких солдат. И наконец, плакаты, подобные тому, что видел я в сталинградского приключе.

Николай Жуков воевал неотменно. Тридцать лет он был бессменным руководителем студии военных художников имени славного баталыста, певца гражданской войны Грекова. Он собрал вокруг него целую «соединение» молодых художников, которые учились, совершенствуя мастерство, и вместе со своим командиром искусно сражались с

Н. Жуков. В РАЗЛИВЕ.

врагом пером и кистью. У Николая Жукова творе хорошие детей, но студия Грекова он всегда считал самым беспокойным и самым любимым своим ребенком, отдавая ей все свободное время.

Было вполне логично и закономерным, что этого неумолимого художника-солдата после войны командировали в немецкий город Нюрнберг, где победившие народы судили главных преступников второй мировой войны. Я прилетел на этот процесс с небольшим опозданием, когда Жуков со своей, как он считал, «мужской» кистью, иными словами, журналистским быт, завел себе множество друзей, а главное, успел сделать серию зарисовок основных подсудимых.

Помнится, меня сначала больше всего поразила их обидная внешность. На первый взгляд это были несмелые даже respeitательные господа, военные с хорошей выправкой, почтенные бюргеры, отцы семейств. Но в тот же день Николай Николаевич, который здесь в дружеском кругу уже приобрел на американский лад прозвище Кока-Кола, извлек из папки свои рисунки. Сохраняя с большой точностью портретные черты, художник сумел выявить отсюда из душевных глубин и зафиксировать истинную сущность всех этих господ, сорвать с них маски обидной благопристойности. И вот такие настоящие искусства: в зале суда ничто не изменилось, но я уже видел подсудимых такими, как запечатлел их неумолимый Кока-Кола.

Там, в Нюрнберге, начал я писать книгу об Алексее Маресьеве, идею которой вместе с тетрадкой записей приносил с собой почти всю войну, с самой Курской битвы. Помнится, наявские верные странцы, крошечки вылезавшие наружу, поднимая серый слой прошлого, лопались. Пылились серыми орденами, и, сбросив сменные одежды, проступала земля, дыша в лицо бравому ароматом прелой травы.

— В самом деле, очень интересный сюжет... Напишешь — возьмусь иллюстрировать.

С того дня утром, когда мы встречались у умывальных, он вместе приветствовал спрашивающего.

— Ну как, идет? Какую главу пишешь? Что теперь делает твой легион?

Он сдержал слово. Взялся иллюстрировать книгу. И тут, часто встречаясь, наблюдал за его работой. Я писал, с какой старательностью этот жинзобильный мастер. Не доверяя воображению, он искал и находил людей, похожих внешне, по характеру на того или другого героя. Живого Алексея Петровича Маресьева он изрисовал юнцом и враньем. Иногда, отвечая на телефонный звонок, я слышал возбудивший голос:

— Здравствуй Радуйся, нашел Зиничку! Великолепная Зиничка. Заглянься...

Долго не давался ему профессор Василий Васильевич. Было сделано несколько эскизов с разных ракурсов, сделано и отброшено: не то, не то, и наконец, измученный поисками, спросил:

— Ты-то с кого писал? Есть такой человек на белом свете?

— Есть. Мой земляк профессор Успенский. Живет в Калинин, в Москву нечасто читает лекции студентам. И очень нечесто.

— Едем в твой разболтанный Калинин.

Помнится, в те дни я был занят. Ехать было не с руки. Но Жуков, если он чем-то увлекался, был просто неотразим.

— Если есть такая человек, немедленно к нему едем. Калинин не Владивосток. Что значит четыре часа езды!

И действительно поехали. Умоляли старика позировать, и целый вечер Жуков провел с ним в разговорах, делая один набросок за другим. Не обратившись к нему довольно потерял руки, поднимая, глаза его хитро сияли, полные улыбки складывались в трубочку:

— Ну что, разве зря потерял время? Теперь у твоего Василия Васильевича, закрыл глаза, нарисую.

Он был необыкновенно маден до жизни, до людей. В камрине его всегда был папачок с бумажками. Иногда, казалось бы, в самый неподходящий момент, он доставал ее и набрасывал что-то, его заинтересовавшее. Раз сидели мы с ним рядом в президиуме торжественного заседания. Положив свою папачку на колени, он не стеснялся, колдовал над ней. И подвигая лицо, он счастливо сохранил массу внимания к себе. А он зарисовывал... не предавался, чем-то показавшись ему интересным. Потом потянувшись поспил:

— Посмотри, какие у него распухшие ноздри. Наверное, таким был нос у гоголевского Копейкина.

Повесть о настоящем человеке иллюстрировал в разное время двенадцать отечественных и зарубежных художников. Среди них были замечательные мастера книжной графики. И все же лучшие рисунки — из-под руки Николая Жукова. Говорю я это не потому, что я «вое время он потратил на них Государственную комиссию, и кисть этой серии модела и сейчас жалеет мне книги, самостоятельную жизнь.

То же можно сказать и о рисунках для книги «Современники», которая появилась в результате нашей с ним поездки на строительство Золото-Донского канала. В вагоне, в котором сидели старенький молчунчик, которую обычно носил в камрине, Жуков был неотлучим от строителей. В погоне за интересовавшими его персонажем зашел в будку экскаватора, карабкался на леса и однажды — что было совсем

уже удивительно для его возраста и положения — рисовал панораму строительства... со стрелы башенного крана. Помнится, оттуда, с этой площадки, и снял его инженер С. Я. Жуков. Считая, что с таким знаменитым художником в одном доме. Потом, за столом, он пенял мне:

— Ты бы хоть присматривался за нашим другом. Свалился, мы все бед не обмерили. Искусство нам этого не прощит.

Неумолимо трудолюбивый, художник из любого путешествия, из любой поездки приносил новые работы, новые рисунки и даже картины. С трудом уговаривать домашние посидеть отдохнуть на дачу — возвращался с папкой акварелей — цветы. Поехал в Челюскинскую лечиться в Карповы Вары — вернулся с зарисовками городских и сельских пейзажей, зарисовками детей, набросками портретов. Портреты, впрочем, едва-едва вырвался серия отличных иллюстраций к книге Фучинка «Репортаж с петлей на шее». Гость Фучинка говорил:

— Никто, кроме Шабановича, не мог так рисовать Юлея, как Жуков. Но Шабанович — чех, а Жуков — иностранец. Как глубоко умом он копал жизнь.

«Копать жизнь». Эта оговорка, по-моему, очень точна и в данном случае звучит лучше, чем «наблюдать», «видеть» или даже «вырывать».

Из портретов поездки в Италию он привез целую серию акварелей турков итальянских партизан и борцов Сопротивления. В обилие этих юных людей угадывались черты молодых, полных энергии, сил парней и девушек, которые тридцать лет назад находили страх на фашистов и немецких оккупантов в горах Северной Италии.

Художнику трудно работать за пределами родины и родной среды. Пейзажи, натюрморты, жанровые сцены — все это можно разглядывать и в туркестанских биноклях. Но портреты — иное дело. Надо, по выражению Густы Фучинки, «глубоко копаться», чтобы передать характер и душу изображенного человека. В серии «Итальянские партизаны» Жукову это удалось. Сам взыскательный художник, писатель и сенатор Карло Леви, видевший эту серию в галерее, так, что когда-то он создал очень удачные портреты Твардовского и Звонимиров, говорил мне:

— Синоур Жуков сделал то, что должны были сделать мы. Наши партизаны пели «Катюшу». Русский маэстро своими рисунками отдал им честь.

В особый полнотой раскрывались глубокий гуманизм и доброе сердце мастера в бесчисленных сериях, где, к тому же, пополнил до последнего слова дна. Кто-то сказал, что в отношении к детям определяется истинная суть человека. Рисунки, акварели, наброски — десятки листов, картонов серии определяют характер этого жинзобильного человека.

Он сам был отцом, и, находясь при исполнении отцовских обязанностей, не расставаясь с карандашом и бумагой. Каждый этап роста детей, начиная с самого нежного возраста, соответственно отражен в его работах. Это не только два его ребенка и сын, не только собственные внуки. Это не товарищи, подруги, вообще дети. И наши, советские, и те, которых художник наблюдал за рубежом, в дни своих многолетних поездок.

Выполненному им сиюту детства, отрочества, юности, слагающиеся многие годы, можно смотреть часами. Оно лунится юмором, создает человеческим теплом и сердечностью. Было, пришлось к нему в студию, оборудованную в просторной мансаре большого дома в центре Москвы, усталый или в мрачном настроении, а он, увидев это, усадит на табурет и начнет поочередно класть на мольберт рисунки, лист за листом. И развешивает хмурое настроение, и проблемы, забываются тебе, уже не колются неразрешимыми. Изба бы, думаю, весь альбом этих «детских» рисунков и рекомендовать для лечебниц, в качестве успокаивающего и исцеляющего лекарства.

Но главное в богатом и многообразном творчестве Жукова, то, что навсегда оставит его среди первых мастеров отечественного искусства — серия работ, посвященных Ленину, приобретающая известность и любовь в нашей стране. Еще на Калининском фронте говорил он, что заветная его мечта — воссоздать образ Владимира Ильича.

— Вот додумал, воткнем красный флаг где-нибудь в центре Берлина, и возьмусь я за эту тему, как следует возьмусь.

И явился. В центре его художнических устремлений, его жизни, полной забот, все время оставался образ великого вождя пролетарской революции.

Мы вместе делали книгу «Наш Ленин», выступая как полноправные соавторы. Для меня она была самой трудной из всех, какие я написал, и задала, не считая на свои собственные размеры, около трех лет работы, поисков. Жуков посвятил этой теме без малого четверть века, трудился с любовью, тщательностью, старанием. Читал произведения Ленина том за томом. Сидел в ИМЛЭ над ленинскими документами, нарисовал, вынул из фотоаппарата, вынул из архива, вынул из знакомых со всеми воспоминаниями, какие только были изданы, задал знакомства, не боюсь даже сказать, подружился с ветеранами войны, которых постигновенно работать с Владимиром Ильичем, общался с ними, хотя бы набравшись опыта.

Мне не забыть нашей встречи с В. Д. Бони-Бруевичем. Жукова он принимал как доброго знакомого. Усадил нас в кресла, попросил принести чай с сухарями. Художник, обнявшись, глотал. Ему не терпелось услышать приговор о похвале новой работы, рисунку, которую он принес на суд ветерану партии. И вот наконец писатель разволновал и похвалил: дождя дома, страдавшего дальностью, так было удобнее и легче, как он говорил, их «изучать».

Нетерпеливо переходил он от одного рисунка к другому, а Жуков

жадно следил за его лицом, стараясь угадать впечатление. Все раскостров, Бонч-Бруевич вновь обращался к заинтересовавшему его работам, при этом выразительные глаза были взволнованными, расстроеными. Кажется, что этот старый человек возвращался к своей молодости и перед ним сияют давние, дорогие сердцу события.

С полчася продолжалось молчаливое изучение. Потом хозяин дома глубоко вздохнул, как бы отрываясь от воспоминаний, сел в кресло, протер очки, отшвырнул.

— Неплохо. Конечно совсем неплохо. Вот тут Ильич настоящий, живой, метко сжатым. И здесь и здесь... А тут... он указал на несколько листов, — вы уж меня извините, голубчик мой, тут Ильича нет. Он был сама простота, а здесь будто позирует фотографу. Уважайте! Ничего нота в хорошей песне. И этот жест: рука, выброшенная вперед и вверх. Николай Ильич не принимал такой позы. Его любимым жест — рука от себя, он как бы отдает свои слова собеседнику, слушателю. Но в общем-то хорошо, поздравляю с удачей, голубчик. Доброе вы дело делаете, дорогой мой Николай Николаевич.

Сотни произведений составляли музеевскую Ленкина. Лучшие из них были представлены на последней его выставке в Музее В. И. Ленина в Москве. Он отбирал их придирчиво, беря лишь лучшие, испытанные временем. И все-таки экспозиция едва размещалась в двух больших залах.

Я был на ее открытии, но, как часто бывает на удачных вернисажах, ничего как следует рассмотреть не удалось: слишком много было народа. Вернулся неделю спустя, с утра, в самые часы для музея часы. Сходил от портрета к портрету, от рисунка к рисунку и наблюдал, как у многих работ посетители останавливаются подолгу, в задумчивом, созерцательном молчании.

Заглянул в книгу отзывов. Положительные, даже восторженные зрители. Вот одна из них, сделанная не очень красивым почерком: «И еще удивляет меня, как же получилось, что товарищ Жуков не видел Владимира Ильича, а рисовал его, будто заглядывая в его кабинет или квартиру...»

Эти слова отразили, как мне кажется, секрет объективности большинства рисунков. В своей многолетней работе над дорогим образом художник овладел так называемым «эффектом присутствия», сообщаемым произведениями изобразительного искусства более эмоционального воздействия. Жуков так вошел в великую тему, что, вероятно, перед его мысленным взором Владимир Ильич возник, как живой. И художник нечаянно угадывал, что он сделал бы, как повел себя в тех или иных обстоятельствах. И лучшие вещи, действительно, будто сделаны с натуры. Особенно хороши те, которые придан вид белых набросков: тут кажется, что видишь настоящее волшебство.

Последние месяцы жизни, когда больное сердце все чаще давало себя знать, Николай Жуков все свое — Ленинскую Ленкина — безмятежно отдал в дар Москве, Музею В. И. Ленина. Сделано это было тихо, без торжественного шума. (Лишь после смерти появились на эту тему коротенькие заметки.)

А потом поехал с очередной выставкой своих произведений в Польше. Вран не респондировал, но отвечал.

— Ничего со мной не случится. А случится, лучше уж догореть огнем, чем копнуть, как голышеска. Нет-нет, я еще поработаю, у меня еще столько задумок...

Выставка в инженерном городе прошла с успехом. Сам же он, перетруженный дорогой, встречный, беседы с посетителями, заболел.

— Ты, говорят, слег? — спросил я его по телефону.

— А, ничего нового, зато какие зарисовки привез! Приходи завтра посмотреть. И знаешь, как там, в Польше, люди интересуются искусством, а главное, разбираются.

В ту пору в «Юности» готовился номер, где была выкладка, посвященная творчеству великого нашего скульптора Андреева — мастера, которому посвящались в течение продолжительного времени лепить и рисовать Ленина с натуры. Жуков со свойственной ему душевной щедростью чуждого этого замечательного ваятеля. Работать по заказу Ленинина он учился у Андреева. К кому же, как не к Жукову, обратиться с просьбой написать статью об андреевских работах, подумал я. Сказал ему об этом и тут же услышал жизнерадостный ответ:

— Здорово. Отлично задумано. Да черт знает, как в графическом отделе вытиснит длинный список дел, которые у меня идут... не делую. Вот что: заходи завтра ко мне в мастерскую в одиннадцатую ноль-ноль. Жду...

Эта была последняя фраза, которую я слышал от Николая Жукова. На следующий день мне позвонил его жена, друг и помощница во всех делах и начинаниях, и дрожащим голосом сказала:

— Колечку ночью увезли. «Скорая помощь». Сильнейший приступ. Когда увозили, просил предупредить, что свидание переносится. Но статью об Андрееве обещал написать. Как только отыщется.

Статью о любимом скульпторе Андрееве он не написал.

Он, этот славный мастер, умер как солдат, выполняя боевой приказ и некролог в черной рубашке. Со страниц газет смотрел его портрет: молодой, бравый полковник с круглыми, добрыми, такими русыми лицом. И даже на этих траурных фотографиях в уловах его глаза угадывались невиданка, но как бы ошущимая музеевская улыбка.

Он, этот славный мастер, умер как солдат, выполняя боевой приказ своего времени. И хоронили его, как солдата. Гроб стоял в зале Центрального Дома Советской Армии. Сменялись наряды почетного караула, вместе с многочисленными почтителями его боевого, целком отодвинутого сужающемуся виду искусства целым подразделением приходили военные, матросы, летчики. Гроб спустился в последний заупокойный зал. Он уходил из жизни, как солдат бесспорной службы, погибший при выполнении ответственного боевого задания своего славного времени.

ОСЕНЬ НА ДАЧАХ

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВ

Рисунок П. ПИНИСВИЧА.

Постепенно повествование Федора стало обрести подробности, обилие мелких деталей и второстепенных, но чрезвычайно важных для рассказчика эпизодов, то есть настоящих моментов, которого больше всего опасался Точка: чтобы не быть разоблаченным, он с этой минуты должен следить за каждым своим словом и находится в состоянии предельной внутренней сосредоточенности: сведения о том, где и в каких войсках служил Федор, Точка удалось заполучить всего лишь час назад у одного заведующего, которого вовлек в одной комнате с Федором и вернулся домой одновременно с ним, а сам Точка находился совсем на другом фронте: сперва на Волховском, позднее — на Тихом Белорусском и по этой причине не имел ни малейшего понятия об эпизодах, о которых вспоминал сейчас с великим упованием его встревоженный и взволнованный собеседник. Потому-то, когда речь заходила о конкретном человеке, солдате, офицере, или о каком-нибудь румынском или венгерском населенном пункте, Точка скромно умолкал, не перебивал Федора, лишь изредка робко неопределенное: «Ну да, «А как жаль, «Хорошо помню...» «Еще бы мне эти словесные туманности, с тем лишь, чтобы как-то поддерживать разговоращего не на шутку фронтиком, — так обычно люди поддерживают костер, и потому подбрасывают сухие ветки. Охваченный лихорадочкой воспоминаний, Федор, конечно, не замечал этой уловки, и Точка вполне мог бы быть спокоен, но его колышала совесть: признавая, что человек во всем до крайности, не терпящий даже самого безобидного вранья, глубоко убежденный в том, что половина всех дел, время от времени разрушающихся, не только обречены на сухое оттого, что в житейском, человеческом общении наряду с правдой получила по чужь-то преступному недосмотру прописку и ложь, — убежденный в этом, неоскорбленный, Точка тем не менее принужден сейчас гнуть. Ему меньше всего хотелось бы следовать известной формуле относительно того, что цель оправдывает средства, ибо не всякое средство не всякая цель оправдывает такое сотрудничество, но у Точки не было иного способа сблизиться с человеком, который оказался в ужасном положении; а сблизиться надо было не то что бы ни что, потому что человек этот нуждался в немедленной помощи. Внимательно слушая его рассказ и терзаясь душой, Точка мучительно отыскивал на этот раз точку опоры для своего себя, ту точку, которая хотя бы в малой степени могла успокоить его совесть. В конце концов вздох облегчения вырвался из его груди, это когда он вспомнил, что со временем признается Федору в своем обмане, расскажет ему всю правду, примет таким образом грех со своей душой, и произойдет это тогда, когда в жизни Федора все окончательно устроится, когда он окажется в более спокойные берега — не прежде. Кровь, которая было густо подступила к лицу Точки, сейчас отхлынула, оставив на губах и в переносице липкую каплю пота, — незамеченно для Федора он быстро смыхнул из рукавом рубахи.

Точка! Хвати, брат! — подыался Виктор из-за стола. Вот уж беды мороз вымотают, не дали мы с тобой старикам и часа соснуть.

— Сидите, у нас с Оройной сон теперь воробьиный, на минуту прикрою глаз! — и доволостер — устоим ли дядя Голуб.

— Благодарим, но нам и вправду пора, — сказал Федор, уже сожалея, что должен был вернуться из привычного мира, которым он еще недавно жистовал, в мир, который, по реальному, а минуто ранее поргизился в него в своих воспоминаниях.

Почуствовал это, Точка поспешно:

Опонация. См. «Огонек» № 34.

— Живехонек, дышит...

Постояла посреди избы, вспоминая, что ей еще потребуется на первый случай. Колябелька, корытце оцинкованное, несколько распахон, соска — все это есть... Что ж еще?.. Ах, мыльца бы беленого, детского! Но где его сейчас добудешь?

И снова, как бы производя учет, стала осматривать вещи, находящиеся в избе.

В тот день она не могла надолго оставить того, кто тихо покачивался в люльке. Чистая, нарядная, празднично одухотворенная, взяла приемшца на руки и присела у окна. Сидела и нетерпеливо ждала, когда кто-то войдет — скорее всего это будет Феня, Степаниде очень хотелось, чтобы это была она! — придет и увидит ее, Степаниду, вот такую, сильную и гордую. Впрочем, пускай приходит кто угодно — теперь ей никто не страшен...

— Правда, сынок! — она чмокнула ребенка в сонные глазенки и рассмеялась.

Первым человеком, который заглянул к ней, была не Феня Угрюмова, а Матрена Дивеевна Штопалиха. По обязанности, возложенной ею

на себя добровольно, каждое утро и каждый вечер с целью сбора свежих новостей она обходила все Завидово, заворачивая чуть ли не в каждый дом и к каждому колодцу, где сбивались, накапливаясь, бабьи гурты. Утренние сведения нужны были Штопалихе для того, чтобы поделиться ими с односельчанками во время вечернего обхода, а вечерние для того, чтобы обогатить ими своих товарок при обходе утреннем. С годами к этим Матрениным обходам так привыкли, что уж, казалось, не могли и жить без них, особенно, конечно, женщины. Многие из них не дожидались, когда Штопалиха войдет в их двор, а сами, завидя из окна ее приближение, выбегали на середину улицы, хватили за рукав и, не в силах удержать в себе нетерпеливого любопытства, спрашивали:

— Ну, что, что там, Дивеевна?

— Аль ты, Глафира, не слыхала! — В свою очередь, спрашивала, всплескивая руками, Штопалиха для того только, чтобы больше накалить пока еще не погашенное, не утоленное любопытство односельчанки.

— Ничего, — признавалась выскочившая за

новостями, — откудова же мне!.. Я ить, Дивеевна, и на улицу-то не выхожу...

— Не слыхала, значит?

— Ничегошеньки, Дивеевна! Ничегошеньки! — Как же этот У Катерины Ступкиной носок бирик последнюю оцу зарезал. Там слез-то, слез-то!.. Бедная! Правду сказывают люди: где тонко, там и рвется.

Так уж получалось, что Штопалиха была вроде бы живой, ходячей копилкой новостей, которыми щедро делилась с односельчанками, и копилка эта не истощалась потому, что неутомимо, изо дня в день, обильно пополнялась. Словом, Штопалихино появления на улице, на дворе, у окон ждали, и она была желанной гостьей чуть ли не в каждом доме. Лишь в войну, когда она, упреждая Максима Такленникова, приносила в чужую избу совсем нерадостные вести, ее побаивались так же, как и почитальона, и завидя Матрену торопливо вышгивающей вдоль дворов, шептались: «Господи, вот бы только не к нам!» И собрав кидился на нее с той же яростью, что и на Максима. Другой бы на месте Штопалихи сделала соответствующий вывод и не спешила нести в дом чер-

Степан ШИПАЧЕВ

ВО ВСЕ СТОРОНЫ СВЕТА

- 1
Годы на юге я не был.
Но потому ли, меня,
звездами темного неба
южная полночь глядит на меня.
Денно и ночью там горы в дозоре.
В дыние сиреневой теплов море.
- 2
Солнце и в полночь забыло про сон,
не приближает к себе горизонт.
Низкий туман на утесах клубится.
В тундру не льется мерцающие звезды.
След, что авдалло оленьи копыты,
попол студеной воды.
- 3
С моря прохладно утренней веет.
Глянешь туда — хоть рукой задень —
краешек нашей земли розовеет,
в путь отправляется день:
след в синеве, облаках кудлатых,
вслед — за стрелками на циферблате.
- 4
Красный закат догорает.
Памятка та сторона.
Памятка тем: мировая
первая и вторая
там полькала война.
Взгляд за чертой небосклона.
Пусть сквозь закаты туда
вонским зыбелонам
не грохотать никогда!

ВБЛИЗИ ОТ ЗЛАДАИ

Ветру, с простором играя и споря,
волны бросать на гранит островов.
Синие брызги Эгейского моря
видел не раз я в глазах у него.

С небом сливаясь большими глазами,
ветер в ладони упрется тугой.
Мерно слагая могучий гекзаметр,
катятся волны одна за другой.

Пусть и не гулом такого размера
строки наполню, равняя с волной,
только бы тенью слепого Гомера
время к бумаге склонялось со мной.

В ЧЕМ-ТО ДОБРЫ ЗЕРКАЛА

Из зеркала,
сколько ни стой,
глядит на меня
человек седой.

Пригляди, и все ж
волоску волосок
надалека
подает голосок.

Но в чем-то добры зеркала:
ясне
открытого лба моего
крутизна.

В ночь створки толкну,
словно думая ответ,
на нем —
мироздания свет.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ СИБИРЬ КНИЖНАЯ ФИЛИГРАНЬ

Кандидат технических наук А. Р. Трахтенберг достает с полки книги размером... со спичечный коробок. Вспомогательный персонал занимается целая библиотека. Беру изугад миниатюрный томик, раскрываю его: поэт Владимир Ильич Ленин. Читается легко, шрифт четкий и не столь мелкий, как можно было ожидать. Впрочем, есть книжечка с таким же шрифтом, что их выпускают в свет с прикреплённой и корешку на ничтожной дупой.

— Ленинская — основной раздел моей коллекции, — посвящает хозяин необычной библиотеки. Тут и труды В. И. Ленина, изданные на разных языках не только в нашей стране, но и за рубежом, и стихи о Владимире Ильиче, и воспоминания о нем, и народные сказания, песни... Вот книжечка размером 30 на 40 миллиметров — «Три стихотворения о Ленине». Она издана тиражом 8... триста экземпляров. Набрал ее Отто Зладин — известный мастер микрошрифта, наборщик таллинской типографии «Агуст». Рядом — стихи «Ленин с нами», изданные в Белоруссии. А здесь целая библиотечка трудов Ленина. Пять томов. Формат книги 45 на 57 миллиметров. Выпущены они дватисимым издательством «Казхазстан». В будущей типографии имени Коммуны на немалый переплет одной из миниатюрных книжек о Ленине прикреплен чеканеный на металле портрет Владимира Ильича.

Миниатюрные книги, — продолжает мой собеседник, — издаются, пожалуй, со времени изобретения книгопечатания. В моем собрании самая почтенная по возрасту книжечка — сочинения Мартина Лютера, напечатанная в 1685 году в Лейпциге. В России в прошлом веке выходила «Библиотечка-прошанка», состоявшая только из миниатюрных.

Перебираю книги одну за другой и не могу оторваться. Поражаюсь мастерству и филигранной работе полиграфистов: каждая миниатюра оформителя. Почти каждая книга иллюстрирована, часто в цвете.

Ю. ЛУШИН,
сборщик «Огонька»

БАШКИРИЯ

БАНЯ В ЧЕМОДАНЕ

Именно так — в чемодане. И не просто баня, а «сухая», финская, которую знатоки предпочитают всем другим. В общем-то ничего изумительного: специальная печь, наглухо закрывающаяся жидкая камера, стул, простейшие, но надежные приборы, по которым можно следить за температурой в бане.

Погоразмывать, что в переносной бане (ее легко установить в небольшой ванной комнате) можно подлечить сосуды, полиартриты, снять усталость. Она из основных рекомендаций, сделанных изобретателем бани инженером А. Массарским, так и гласит: применять после тренировок.

Аппараты А. Массарского изготовляют в Башкирии. Серийный образец переносной бани можно увидеть на ВДНХ, на выставке электротехнических приборов.

К. КОСТИН

Фото Г. Розова.

СОТВОРЕНИЕ
ВЕСНЫ

ПРОВОДА

Гудят высоковольтные провода,
Как струны всеобъемлющей души.
Они соединяют города,
Грядущие и прошлые годы,
Мир техники и лоскуток глуши.

Я думала когда-то: если впрямь
Моей любви случится умереть,
Она погибнет, жизнь мою взорвав,
Испалив все цели и мечты,
Как молния, упавшая страмгла
На грозный ток высокой частоты.

Без взрыва получилось, без грозы,
Лежит обрывок провода в траве,
— Как будто ветка, мертвая на вид.
Нагнулась я, услышала: скулит.
Тут именно: не поднебесный гуд —
Заржавленный, затравленный скулеж.

...Зачем ты здесь?! Каким ты чудом тут?!
Когда же ты, когда же ты умрешь!!

РАЗГОВОР О ЛЮБВИ

Возможно, я была бедна,
Возможно, потому
Сказал он, что другим видна
Моя любовь к нему.

Так четко он определил,
Чуть отстраня делая,
Туманные кипенья сил,
В котором я жила;

Где явь не явь и сон не сон,
И нет иных миров —
Лишь дом, в котором дышит он,
Работает, здоров.

Я это коротко в ответ
Хотела объяснить.
Но гаснул в сердце странный свет,
Ревалась живая нить.

Наверно, никогда любовь —
Любовь без всяких прав —
В намеренную четкость слов
Не втиснуть, не словами.

СОТВОРЕНИЕ ВЕСНЫ

Это чудо — творить ежегодно весну:
В чаше серой и хмурой, как дым,
Просверлить татюгение к вечному сну
И прорваться комочком живым.

Тени — будто лежат под глазами круги.
Ветка таяно согнута в дугу.
Но внезапно стряхнула остатки пурги,
Распрямилась, забыла пургу!

Слез еще не пролить, ведь не тронулся лед.
Лишь морщины лежат возле рта.
Но уже, забывая, прощая, растет
Животворной земли доброта.

На еще забитованной снегом тропе,
Там, где стужи осталась печаль,

Отыскала я внешнее чудо в себе —
Отыскала умение прощать!

НИКУДА НАМ НЕ ДЕТЬСЯ ОТ ПРОШЛОГО

Никуда нам не деться от прошлого.
В ту же дел иль в ненастной бессоннице
С фотографией старой, заброшенной
Светлый взгляд неожиданно вспомнится.

Никуда нам не деться от прошлого,
От мечты, что хранила нас в юности,
От всего, что в нас было хорошего,
От отцовской и дедовской мудрости.

Никуда нам не деться от прошлого,
От счастливого и от печального,
— Так реке с полнозвонною ношею
Не уйти от истока начального.

Так как будто на вечность помножено
Наших будней любое мгновение.
Никуда нам не деться от прошлого,
От трагических веж поколения.

Наша память, как факел, горящая,
Неожиданно входит, непрощено
Из прожитых годов в настоящее.
Никуда нам не деться от прошлого!

ВОСХОД

Восход ощущаю как личное счастье,
Как будто в душе у меня
Опять разгорается дар сочувствия
Во всех начинаниях дня.
Круг неба все более ясный и строгий.
Все меньше лиловых теней.
Уже проявляется точность дороги.
И путник шагает по ней.

Как личную гордость, восход ощущаю,
Как будто бы мне удалось
Создать перламутровый берег песчаный,
Лазурный и розовый плес.
Как будто бы я сотворила раздолье,
Подсмейкин, березу и ель.
Как будто бы в птичьим невидимом глорье
Моя соловьиная трель!

П. К. АЕДОННИКОВУ

Не сотвори себе кумира,
Не называя брильянтом медь,
Поим несовершенство мира,
Чтобы потом не пожалеть.

Шуршит осенняя дорога.
Багрянцем убраны леса.
И у холодного порога
Лежит сеницовая роса.

И ты смелой живешь на свете,
Живешь уверенной, когда
Тебе сквозь непогоду светит
Твоя высокая звезда.

Так сотвори себе кумира
Всем вдохновлением своим
И по дорогам трудным мира
Старайся следовать за ним!

ЗЕЛЕНОЕ
МОРЕ
АПШЕРОНА

Ключом гигантской птицы выкинулся в синеву Каспия Апшерон — полуостров, на котором стоят древний Бакну, молодые нефтяные промыслы и заводы, рабочие и дачные поселки, обрамленные золотистыми песками целебных пляжей. С трех сторон открыт он неспокойному морю и колочным ветрам. Его ландшафт по большей части лишен пестрой гаммы растительности. Пустынный, незащищенный полуостров стал ареной пересечения воздушных потоков: арктических, средиземноморских и западных. Обилие ветров и дефицит дождей — вот что формирует климат Апшерона. Привычный суровый пейзаж в ближайшие годы уступит место новому — озерному садов и лесов. Привольно раскинется здесь зеленое море. В Москве, во Всесоюзном институте «Союзгидроэколог», разработана схема создания защитных насаждений на полуострове от Бакну до Сумгаита.

Двадцать тысяч новых зеленых гектаров, включая ветрозащитные лесные полосы, сады и плантации, — вот масштабы этой гигантской работы. Сосны-великаны примут на себя главную силу ветров и возмужат в тесной колочной юнги зелень Апшерона.

Проект озеленения благотворного края поставит надежный заслон штормовым ветрам, улучшит и микроклимат курортной зоны.

Г. ПОГОСОВ

«ОГОНЬКУ»
СООБЩАЮТ

«Возьмите хотя бы наш знаменитый рабочий Донбасс. Вспомните старую Юзовку — это нагромождение халуп, грязь, теснота и неустроенность. И сравните ее с Юзовкой сегодняшней — крупным современным городом Донецком, его широкими проспектами и зелеными парками, благоустроенными жилыми домами, прекрасными стадионами и дворцами культуры. Вспомните жизнь донецкого шахтера до революции, ужасающие условия его труда и быта. Сравните эту жизнь с сегодняшней жизнью донецкого шахтера или горняка Криворожья. Это люди, гордые своей профессией, окруженные всенародным почетом, достойно вознаграждаемые за свой славный труд, пользующиеся всеми благами современной культуры».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из доклада «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик».

Станислав КАЛИНИЧЕВ,

фото Н. КОЗЛОВСКОГО,

специальные корреспонденты «Огонька»

Все мы, донецкие мальчишки, еще с той поры, когда носили штаны на одной лямке (она перебарывалась через голову ребенка), знали: наши отцы и старшие братья — герои труда. На шахте, в прокатном, на комбинате создаются то, что делает всю нашу страну сильнее, богаче, что заставляет всяких капиталистов пусть не с уважением, но с достаточно вельможным вниманием прислушиваться к советским дипломатам. И каждый из мальчишек был уверен: придет время, и он возьмет в руки обточенный молоток, станет и, мартеном и пично будет отвечать за дальнейшую судьбу своей Родины. Эта уверенность исходила из того, что мы видели собственными глазами.

Мой деданец Владимир Волков в четырнадцать лет стал металлургом, к пятинадцати прошел путь от четвертого до первого подуровня сталеваара, а в шестнадцать — это случилось в год Победы — возглавил бригаду сталеплавильщиков, которая стала одной из лучших в области. Случается, что и ныне в трамвай или троллейбусе его называют молодым человеком. А у Героя Социалистического Труда старшего мастера мартеновского цеха Владимира Михайловича Волкова за плечами уже тридцать лет горячего, почти фронтного стажа сталеплавильщика.

Чувство собственного достоинства, свое значительности, которое удивительно сочетается с рабочей простотой, широкой душой, сердечной открытостью — это, пожалуй, то главное, что определяет самую суть моего города.

...Обычно мы склонны идеализировать свое детство. «Ах, как раньше лямочки пахли!» «Погода-то прежде была не то, что ныне...» Самое яркое мое впечатление о Донецке предвоенных лет — пыль.

По утрам солнце всходило из-за курчащегося асфальтного дыма на территории. Эти дымыщиеся исполины были всюду, куда ни глянь. Они рвали небо зубчатый. У их подножий кривились крышами одноэтажные шахтерские поселки, огорода с чахлой растительностью, выкопанные солдаты бугры. Но вся совокупность рабочих поселков, растянувшихся на десятки километров, называлась городом.

Однажды мы с отцом решили поспать под соснами, как на предоставление. Все были уверены, что здесь, кроме акцента и американского клена (его называли просто деревом), ничего расти не может. А потом сады стали модой. Единственный в поселке колодец по вечерам вычерпывали для дач, поднимали воду пополам с грязью — поливали деревья.

В предвоенные годы город начал развиваться. Это не клуб, то дворец, первый в городе театр — и сразу оперы и балета, библиотека — так самая богатая в республи-

ке, новые дома — с ванной и газом. И, возможно, ничего необычного в открытии театра, которое состоялось весной 1941-го, не было. Возможно... если не знать, что всего пятью годами раньше здесь, по этим улицам, верхом на бочке, в которую была запряжена лошадь, разрезал рабочих горкоммухоза. Он черпал ведрами жидкую известку и поливал ею выбрасываемые на улицу нечистоты. Это считалось будничной санитарной мерой.

Но свои дела жители Донецка соображают не с прошлым, не с тем, что уже сделали, а с будущим.

И каждый раз, подъезжая к Донецку, я становлюсь свидетелем или участником такого прищипывающего разговора.

— Вы давно не были в Донецке?

— Да вот уже с год.

— Ну! Цельный год... Придете — не узнаете. Последнее утверждение я слышу уже более десяти лет подряд. И каждый раз оно оказывается справедливым. И в нынешнем тоже.

ГОРОД ДЛЯ ЖИЗНИ

Помните крылатые слова Грибоедова: «И дым отечества нам сладок и приятен!» Донецк можно было увидеть и ночью — с закрытыми глазами. Стоило сойти с самолета или выйти из вагона и глубоко вдохнуть... Здесь, где воздух, пахнувший степной пылью, всегда отдавал сладковатым дымком: серы, острого, покалывающей бронхи угольного копоти, окалиной тяжелого дыхания мартенов.

Но то, что не был тут год или два, нынешним летом, пожалуй, и не узнаете донецкий воздух. Дело не только в том, что исчезли традиционные запахи (все коммунальные и заводские котельные переведены на газ и мажут, погашены терриконы), а и в том, что появились новые. Воздух пахнет машинным и липами. На привокзальной площади — розы, на улице Артема — розы, на бульваре Пушкина, Университетской, Шерса и сотнях других улиц — огромное цветение, заросли махливы, на зеленых, аккуратно подстриженных лужайках группы голубых елей, каштановые розы, бесконечные бульвары, хранимые строгими шеренгами пирамидальных тополей...

Конечно, все это возникло не вдруг. Год от года расширялись питомники, сотни людей учились прививать благородные розы к черенкам шиповника. Появился опыт высаживания многолетних деревьев, коллективы промышленных предприятий брали под свою опеку новые насаждения. А нынешняя щедрая зима и дождливое лето помогли, очевидно, тому, что количество перешло в качество.

— Донецк всегда был городом-работником, сгустком тяжелой индустрии, — говорит первый

секретарь горкома партии А. А. Кубышкин. — На его территории больше ста пятидесяти крупных шахт, заводов, фабрик.

Алексей Ананьевич о делах и событиях, с которыми связаны сотни тысяч человек, говорит просто, как о своих будничных заботах: — Городское хозяйство у нас не из легких, население быстро приближается к миллиону человек. И территория: от окраины до окраины шестьдесят, а то и больше километров. В самом городе добываем шестьдесят пять тысяч тонн угля.

— За сутки!

— Каждые сутки, конечно. Однако уголь — только часть промышленной продукции Донецка. Чугун, сталь, прокат, тринитат и обуг, тяжелые машины и оборудование, приборы и холодильники с нашей маркой идут в тысячи адресов. Но превратить десятки шахтерских и заводских поселков в комфортабельный городской комплекс даже с нашими масштабами и возможностями куда сложнее, чем построить десяток-другой фабрик. Высаживаем тысячи гектаров леса — и за несколько лет создаем зоны отдыха, водоемы, спортивные комплексы, прокладываем новые дороги, заново перестраиваем целые районы. Несколько раз в соревновании городов Украины по благоустройству Донецк занимал первое место. Планы пятилетия наши строители выполняют с опережением.

— Скажите, а какими образом удалось вырасти на улицах города столько роз?

— Об этом писать рано. Тут у нас не все вышло, как хотели.

За создание угольных комбайнов для пластов крутого падения конструкторам института «Донгипроуголь» С. М. Артюняну, К. И. Дьяченко и В. И. Распову присуждена Ленинская премия.

На развороте вкладки:

Солнце и моды.

Улицы Артема — главная магистраль Донецка.

Продукция Донецкой фабрики игрушек нравятся малышам.

Полиграфический комбинат «Скитяя» имени В. И. Ленина.

Центр Бухареста.

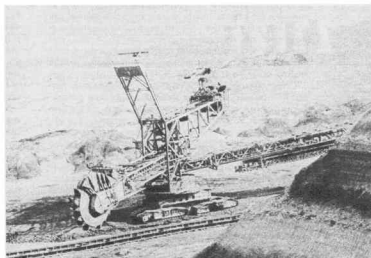
Леонид ПЛЕШАКОВ
Фото автора.

23 августа исполняется 30 лет со дня освобождения Румынии от фашистского ига. Когда страна готовилась торжественно отпраздновать этот юбилей, там побывал специальный корреспондент «Огонька». Вот его рассказ об этой поездке.

ПОРА ВОЗ

Мария Параксва, первый секретарь горкома комсомола в Азуге.

Теплоэлектростанция «Ровниар» работает на лигните, залежи которого разрабатываются открытым способом.

Они сошли с конвейера Брашовского завода.

Встреча в Карпатах.

МУЖАНИЯ

Приближение события чувствовалось не только в праздничном наряде городов и сел. Подводился итог сделанному, и цифра завладела газетной полосой, радиотрансляцией, уличным планшотом. Цифра рассказывала, сравнивала, рисовала будущее. Она царила всюду. Даже в разговорах мои собеседники, прежде чем ответить на вопрос, часто создавали из цифр жесткую конструкцию. А потом уж заполняли ее фантазиями и личными наблюдениями, показывая, как выросла та или иная отрасль хозяйства, мощность завода, фабрики, изменился облик города, села, уезда. И тогда еще полнее становилось значение минувшего тридцатилетия и августовской победы над фашизмом в далеком и близком 1944 году.

ДРЕВНЯЯ БЫРКА СТАНЕТ ГОРОДОМ

Конец лета в Должском уезде напоминает август где-нибудь на Кубани. Вдоль дорог

ПЕСЕН, РОСЫ, ПЕСНЯ...

Ветер, воля, песня и раздолье.
Поле, снег, луна и облака...
Знаю русской родни свояево,
С Гоголем влетающей в века.

Свист! В пробужде этой неуемной
Я лирическую ширь ценю.
Песню дома во степи бездомной,
Сумрак и стремление к огню.

Тройка радости, размах, гуля...
Колоколицы — слыши и дыши.
Нет, не для кузнечного разгула
Ты летишь — для праздника души.

Тройка, песнь, ослепленные веки,
Удивилась акинушка бровь.
Триднейство кровное навеки:
Родина, поэзия, любовь.

С Божидаром Божиловым ходим по Пскову.
И все, что мы видим — истина и к слову,—
Болгарская древность и старая Русь.
Гидом, пожалуй, служить не берусь.
Но сердцем я чувствую давние связи
В кладке стены, в бугорковой вазе.
Да что там древние братья века,
Когда сегодня — к руке руки,
Кремлюшким рядом с нашим КамаЗом,
За путешествием, за рассказом
Песня встает. На каком слою?
— На мови, я — на твоём,
На нашем общем —
На переводчицу мы не рожаем,—
На языке дружбы споём вдвоем.

Михайловское кружево — звенит оно,
Рассветам, закатам, берегам, рекам.
Не белое, не черное кинут на лен —
Багряное, точеное, червонный зvon.

Плетут оплеты девушки, звенит весна
над Прониею.
То смех влетает в кружево, то радость,
то иронию.
Ромашка получается, и ручеек, и речка.
Как много в ткани сказано
ни одного словечка.

В природе происходит что-то.
Что происходит? Не пойму.
Пора весеннего прилета.
Пора осеннего отлета,
Свет, убегающий во тьму,
Тьма, убегающая к свету,
Весна, стремящаяся к лету,
А лето к осени скользят.
Во всем сытнее и работа.
В природе происходит что-то.
Что происходит? Странный вид.
Ни то, ни се, и то, и это.
Весна и осень в пору лета,
Переломные, Беглый миг,
И становление, и работа,
Еще один малейший сдвиг,
Еще шажок, пол-оборота,
И я скажу, что жизнь постиг.
Но рано: происходит что-то
В природе и во мне...

Об этом я вспоминаю у Витюши,
В кинемые дневные тольги:
«Прислушайся к пиву — увидишь,
Как вьжут в поле снопы».

Прислушайся к песне — почувствуешь,
Как старушка у Шулэя
Шинкует капусту попустыняющую,
Не соль, а слезы в нее добавляя.

Из песни, как из речной струи,
Я легко без слов узнаю,
Как ты заплетаешь в косы свои
Думу мою.

ЛИТОВСКИМ ПОЭТАМ

Настоящая дружба стыдится
Суетности — дело верши,
И на вспаханном поле странички
Прорастут эти зерна души.

Горячо люблю мои даву —
Ты, что Музой давно нарекли,
И, народному вера напеву,
Восславляй щедроты земли.

По-литовски, по-русски мы леги,
Над литовской, над русской рекой.
Звуки гусель тонами в метели,
Звуки канькель мешались с пургой.

Для счастливца нет расстояний.
Пушкин прав: наш прекрасен союз!
Как мы искренне чиним званье
Ваших «кис», ваших «ах», ваших кус.

Из-под края московского дома
Я тнуся этой строчкой туда,
Где над Нямунсом знакомо
Патрикьяла блещет звезда.

МОСТ

Мост — удивление прыжка.
Мост — это путь ученика
Из дома — ежечасно — в школу.
Мост объединяет нас с вами
И старожилу благодать.
Два одиночества связать,
Свести две жизни воедино.
Мост — это прочно, ледобитно
Два берегов красу и ствол
Соединить и сочтеть.

ГАСТРОЛИ

ЛЮБИМЫЙ ТЕАТР

Чувашский драматический театр имени К. В. Иванова по праву считает себя детьми Отвабисарской культуры: он возник в январе 1918 года, первым его спонсором была женщина А. Н. Островского, переведенная на чувашский язык. Сегодня это кажется весьма значительным: чувашский театр в своем поступательном движении не раз опирался на помощь русской сценической культуры, неизменно встречая понимание и поддержку его режиссеры получали высшее образование в театральном институте, здесь же в двух чувашских студиях, которыми руководили М. М. Тарханов и В. А. Орлов, были воспитаны актеры, составляющие ныне костяк труппы. И потому гастроли в Москве — истина, первое за всю историю театра большое выступление за пределами автономной организации — имели для него совершенно особую ответственность.

Восемь спектаклей, показанных в столице Чувашским театром, — это откровенный, взволнованный разговор о себе, о отношении к жизни и к искусству, о понимании своего общественного назначения.

Почти каждая гастрольная работа театра была по большому счету, повествуя о тематической широте репертуара, о поисках нов-

го, о крепкой связи с традицией, о подлинно народного искусства, о несомненной талантливости, выходящей за пределы культуры фольклорной и, наконец, о больших, еще не полностью использованных творческих резервах.

Среди показанных театром спектаклей — удостоенная Государственной премии РСФСР постановка «Волны бьют о берег» Н. Терентьева (режиссер — Л. Родионов), рассказывающая о борьбе первого чувашского педагога-просветителя И. Я. Яковлева за становление национального самосознания, в котором значительную роль сыграли помощь и дружеское участие И. Н. Ульяновской. Пьеса несомненно иллюстрация о борьбе первого чувашского педагога-просветителя И. Я. Яковлева за становление национального самосознания, в котором значительную роль сыграли помощь и дружеское участие И. Н. Ульяновской. Пьеса несомненно иллюстрация о борьбе первого чувашского педагога-просветителя И. Я. Яковлева за становление национального самосознания, в котором значительную роль сыграли помощь и дружеское участие И. Н. Ульяновской.

Тяготение и эпитетность, рассказы о судьбе человеческой, о судьбе народной, и поэтической общности выразительного языка характерны для многих постановок. Играл в «Стране Ангелов» (режиссер — Л. Родионов), Н. Григорьев со складом личности, своеобразный характер Ангела, сочетая в себе неопределенность и романтичность, принадлежность к единому целому.

Г. ДАНИЛОВА

Возникнет поэтический образ юной и доброй души, готовый обнять любовью все человечество... Крупный, резко очерченный характер создается в «Кривой свадьбе» Ф. Гарсиа Лорки (режиссер — В. Яковлев) В. Кузмина. Ее Мать — сложная, противоречивая, а в то же время самая логичная фигура спектакля, в которой все монументально, мощно: и бурные выкрики, и чувства, и сокрушительный порыв кутулы, и глубокая мудрость познания человечности, к которому приходит в финале героиня.

Чрезвычайно любопытно в этом театре творчество молодого режиссера В. Яковлева. Его постановкам свойственна четкость решения, последовательность проведения замысла, любовь к работе с актерами, интерес к драматургии разных народов — разного стиля и жанра. Трагедия Ф. Гарсиа Лорки соседствует с комедией Шенкеля «Две надатая ночь», превращенная в остроумный праздник народного жизнелюбия, торжества шутки, аселей иронии. И тут же — одна из лучших работ театра — полноконечная сложная и емкая по содержанию постановка драмы-легенды Н. Терентьева «Женя и девушка», раскрывающая извечную мету народа о счастье.

Израдно заигранную в чувашском театре бытовую комедию «Выдид, выдид за Иваном» Н. Айзмана, где говорится о том, как дерзопроизвольная действительность поднимала чувашского крестьянина к новой жизни. В. Яковлев решает в форме изысканного, острого иронического представления, передавая оптимизм современного народного мироощущения.

Черты, свойственные не только русскому, но всему советскому народу при социализме, в том числе и чувашскому — общность судьбы всех социалистических наций, — режиссер стремится выявить в постановке «Солдатской вдовы» Н. Айзмана. Спектакль В. Яковлева в широкой эстетической манере говорит о духовной стойкости и нравственности жизни советских людей, сокрушающих фашизм.

Восхищение, труд и мечты, будни и праздники получают талантливое отражение в работе театра, вызывая живой интерес москвичей.

Сцена из спектакля «Волны бьют о берег».
Фото И. Галанцова.

БЫЛИ

Поезд мчался по беспрерывной равнине. За окнами вагонов мелькали вызолоченные стелы великой дачи, голубые ленты рек, приоткрывшиеся стены их деревень. Жизнь в вагоне текла шумно и беспечно. В нашем купе было четверо: боленнорядя дедушка, сходящая на ударию стройню, молодой инженер, командированный на один из заводов, сдвоенный, с бронзовым от загара лицом токарь, возвращающийся с Крымского побережья, из отпуска. И, наконец, я, корреспондент газеты.

Инженер рассказывал о ВДХ, отпуски в восхитили красотами Крыма, а боленнорядя дедушка, узнав, что я уже был на ее стройке, расспрашивала, как там живут люди, как работают, отключают. Потом разговор зашел о будущем. Девушка со свойственной молодости горечью стала доказывать, что при коммунизме люди будут совсем, совсем другие, без каких-либо пороков, и никто они будут как родные братья, готовые пойти на самопожертвование ради товарища.

— Что ж, все правильно, — улыбнулся инженер. — Только почему будут? Разве зам сегодня не приходится встречать таких людей? — Верно! — подхватила его токарь. — Не будут, а уже есть. Взять хотя бы вас, милый дедушка. Отказались от домашнего уюта, родильской ошмы и едите на ударию стройню. З. да что там говорить! Вот у нас в Пензе, на компрессорном заводе, был такой случай... Эта история заинтересовала меня, и позже я решил побывать в Пензе, выяснить подробности.

* * *

...Когда Юрий увидел, что расклеванные диски падают прямо на него, было уже поздно.

Еще минуту назад он бодро насистывал марши из «Веселых ребят». Юрий любил эту мелодию и напевал ее всякий раз, когда было радостно на душе. А сегодня настроение у него особенное и причиной того — похвала мастера Акимыча.

Давно наблюдал за тобой, Нуйкин, — сказал Акимыч. — Вжик, сноровистый ты, старательный, Хвалю!

Юрий сразу подумал о матери: «Представляю, как она обрадуется, когда узнает. Он вспомнил, как месяц назад волюновалась мать, прожывая его первый раз на завод. «Ты прилежный будь», — поучала его — добрых людей страдала, они тебя укоряют-унижают. Юрий тогда немножко удивился: «Что это она вдруг, не ребенок ведь». Справилось не хуже других». Но потом понял беспокойство матери. Он-то знал, как трудно ей было вырастить, воспитать трех сыновей.

Юрий был самым младшим. Родился он в тяжелой пору войны. Мать недоспала, недоедала, выкручивалась как могла, только б дети были сыты. Лишь когда подростки старшие и пошли работать, она облегченно вздохнула.

Теперь все ее заботы сосредоточились на младшем сыне. Он стал крепким ребенком. Молодость матери, голубые заплели в душу Юрий. Он был очень приязнен к ней и однажды в пылу детского откровения признался:

— Знаешь, о чем я думаю, мама! Мы никогда не должны расставаться. Я всегда буду с тобой!

Она мягко улыбнулась, потрела его за волосы.

— Все так говорит, когда маленьким, — ска-

зала, смеясь. — А вырастут и покинут родное гнездо.

— Нет, я тебя не оставлю! — воскликнул Юрий.

И он сдержал обещание. Многие из его сверстников в поисках романтики отправились в другие края. Старшие братья тоже уехали из дома. А он остался с матерью.

Юрий быстро загрузил последний контейнер, зацепил его тросами и весело крикнул крановщице:

— Готово!

Тросы натянулись, контейнер медленно по полз вверх, а потом плавно опустился на самоходную тележку.

Остались незагруженными три диска. Чтобы не возвращаться за ними, Юрий положил их поверх контейнера. Правда, была превышена норма, но это не смутило его: кран мощный, поднимет и с «довеском».

Все произошло в какие-то доли секунды. Когда крановщица снимала с самоходной тележки контейнер, он вдруг накренился, и три раскаленных диска, лежащих на нем, скатились прямо на Юрия, придавив его к земле.

В первое мгновение он не ощутил боли. Она пришла вместе с запахом дыма и гаря. Из-под ног уже выпрыгивали синевато-оранжевые полосы. Тело разом пронзили тысячи огненных жал.

— Помогите! — отчаянно закричал Юрий.

Его крик подхватила крановщица:

— Несчастей! Человек горит!

Находившиеся поблизости рабочие бросились к нему. Они старались, как могли, но сдвинуть диски не удавалось.

Подбежал мастер Акимыч. Волосы взерошлись, в глазах испуг.

— Что случилось?

Увидев распыленного в дым и гаря Юрия, поблелел. Заорал хриплым, срывающимся голосом:

— Наконеч диски сдвинуть! Потом кто-то принес носилки, и пострадавшего понесли к заводским воротам, где уже ждала машина «Скорой помощи».

В истории болезни за номером 3997 появилась запись, сделанная рукой дежурного врача приемного покоя: «Доставлен в состоянии шока. Ожог третьей степени. Поражено около 40 процентов поверхности тела. Местами проглядывают кости».

Случай был редкостный, и врач подумал с горечью: «Не выжиет. А жал, такой молодой. Вот разве Николай Яковлевич что-нибудь сделает».

Главного врача больницы Некрасова он боготворил, считая его чародейом. На его глазах этот внешне ничем не примечательный человек вырвал из смерти обреченных людей. В годы войны, работая в военно-полевом госпитале, Некрасов спас многих солдат и офицеров. В больницу до сих пор приходили от них благодарственные письма.

Положив в ящик стола историю болезни, дежурный врач подошел к пострадавшему, чтобы еще раз проверить пульс.

Юрий нечаянно недогадочно. Ноги и правая рука были покрыты темно-бурыми пятнами. Лицо матово-бледное, словно из него выкачали всю кровь. Если бы не пульс, который едва прощупывался, можно было подумать, что это покойник.

В коридоре слышались быстрые шаги. Врач облегченно вздохнул: Некрасов. Его всегда отличил по походке.

— Что случилось, Дмитрий Васильевич? — на ходу застегивая халат, спросил главный хирург.

— Ожог третьей степени.

Некрасов присел на табурет, вынул из кармана халата фонендоскоп, приложил к груди больного. Слушая долго, внимательно. Потом повернулся к врачу:

— Укол новокaina сделали?

Тот утвердительно кивнул.

— А физиологический раствор?

— Ввели, как только доставили больного. Так, — Некрасов задумался. Вроде сделано все, что необходимо в подобных случаях. Почему же, однако, не проходит шок?

И тут он вспомнил, как однажды в полевой госпитале доставили обожженного танкиста. Было то же самое: ожог третьей степени, шоковое состояние и безразличность первых попыток привести пострадавшего в чувство. Но стоило сделать переливание крови, как шок прекратился.

— Дмитрий Васильевич, — сказал Некрасов, вставая. — Срочно уточните группу крови больного.

Врач понимающе кивнул:

— Вы полагаете, есть надежда?

— Дорогой коллега! Если даже есть один шанс из ста, врач и тогда не должен терять надежды... Будем бороться и верить в благополучный исход.

Кабинет главного хирурга находился этажом выше, и чтобы попасть в него, надо было пройти длинный коридор, затем подняться по винтовой лестнице. Едва Некрасов ступил на первую ступеньку, как его окликнули. Молоденькая медсестра сказала, запинаясь:

— Николай Яковлевич, там, в приемной... Поминная женщина... Простит пропустить к сыну...

— Вы же знаете, сегодня непростительный день.

— Но она настаивает.

— Фамилия больного?

— Камешко, Нуйкин. Он новенький, в пятой палате лежит. Обожженный.

* * *

О несчастье с сыном Александра Васильевича узнала в тот же день. Она догадывалась белее, когда в дверь кто-то нерешительно постучал. «Войдите!» На пороге стоял парень, что по старшему Юрию. Увидев в его руках одежду сына, Александра Васильевича поблелел, схватился за грудь: «Что с Юрием? Где вы не волнуетесь, мамаша, ничто особенного. Жизнь он, только обжегся малость».

У Александра Васильевича подкосились ноги, потемнело в глазах. Опустившись на стул, она с трудом выдохнула: «Где он?» «Мы отвезли его в больницу».

Бож мой, где Юра в больнице! С пустяками тут не повезет — это же шок. От нее что-то стряпнуло. Александра Васильевича металась по комнате. А парень стоял у двери, ощущая неловкость. Конечно, он ни в чем не виноват.

Но горе матери видится невозможным. «Я, пожалуй, пойду», — тихо сказал он. — Меня ждут на заводе». Поставя еще за минуту, он незаметно вышел. А след за ним высочайше заглазная Александра Васильевна, на ходу застегивая пальто. В больничку...

— Присядьте, пожалуйста, — указывая на диван, сказал Некрасов, когда Александра Васильевна в сопровождении медсестры вошла в его кабинет.

В глазах ее была такая тревога, что главный хирург не решился сразу начать разговор. Он сделал вид, будто просматривает какой-то бумажек. Потом встал на-за стола и прошелся по кабинету.

— Так вы хотите видеть сына?

Она кинула голову и устремила на него умоляющий взгляд.

— Это невозможно, — мягко сказал Некрасов. — Ваше положение могло взволновать его. А ему нужен покой. Понимаете, полный покой.

— Ну, что она могла ответить на это? Так доктор считает... Нет, она вовсе не настаивает, хотя ей так хочется повидать Юру. Она на все готова, лишь бы ему было покойно. Tutto просила:

— Скажите, доктор, это опасно?

— Что ж, теперь, когда она немножко успокоилась, можно сказать правду.

Ваш сын в тяжелом состоянии, — медленным проговорил Некрасов. — У него острый третий степени. Но мы сделаем все возможное, чтобы спасти его.

Александра Васильевна уронила голову на грудь и зарыдала.

Некрасов принялся успокаивать ее:

— Зачем же так! Не надо впадать в отчаяние. Мы спасем вашего сына.

* * *

Шли десятые сутки. Шоковое состояние давно кончилось, но боль не проходила.

Все эти дни боль была в каком-то странном состоянии, когда теряется ощущение реальности и окружающее воспринимается в неестественном, искаженном виде. Собственное тело казалось ему непомерно тяжелым и неудобным, непрерывно гнетущим, а в ушах звенело так, словно рядом били в десятки колоколов.

С той минуты, как случилось несчастье, он не принимал пищи, катастрофически слабел. В отчаянии Юрий спрашивал себя: «Неужто это конец?» и чувствовал, как лоб покрывается холодной испариной.

А врачи требуют: «Крепись, не предавайся отчаянию, не теряй веры. Ты молодой, сильный, выдержишь!» Указывают за ним как за малым ребенком. Ни днем, ни ночью не отходят от его койки. Переливание крови, искусственное питание... Только бы дотянуть до того дня, когда произойдет отторжение пораженных тканей и можно будет оперировать.

— Вот сделаем пересадку кожи, и тебе сразу станет легче, — подбадривает Юрия Некрасов.

В часы приема в палату бесшумно входят маты, садится на табуретку рядом с Юриной койкой и с молчаливым состраданьем всматривается в осунувшегося, измученного лицом сына. Когда Юрий поднимает отяжелевшие веки, она наклоняется к нему, шепчет: «Ты, Юрочка, не падай духом. Все будет хорошо».

То же самое повторяют и его товарищи, которым иногда удается проникнуть за больничные «кордоны». А почему, собственно, все они так настойчиво твердят об этом? Разве он дал повод считать его мелочущим, разве он перестал любить жизнь? Она так мучает шумит за окном. Там — весна, солнце, людской поток на улицах. Литейщики, небось, уже возвращаются с работы. Юрию даже кажется, что он слышит их голоса. Заметив вошедшего в палату Некрасова, Юрий настойчиво просит:

— Доктор, делайте операцию. Не могу больше ждать!

К концу третьей недели началось отторжение омертвевших тканей. Теперь, когда четко обозначились ее границы, можно начинать подготовку к операции.

На лице главного хирурга, однако, не было улыбки, которой он обычно одаривал больных

и которая так успокаивающе действовала на них. Доктор был явно озабочен. Предстоит пересадить около трех тысяч квадратных сантиметров здоровой кожи. Для этого потребуются не меньше двадцати дачу доноров. А где их взять? На такое дело охотников мало. Это не то что кровь дачу. Тут надо у каждого срезать кусок кожи размером с ладонь.

«Задан с двадцатью двумя неизвестными», — невольно усмехнулся Некрасов. И вдруг его осенило: позвонить в заводской комитет комсомола.

Некрасов снял телефонную трубку, набрал номер.

— Товарищ Дуденкова? Беспокоит главный хирург Некрасов. Вот какое дело...

В трубку слышалось прерывистое от волнения дыхание, девушка молчала, видимо, раздумывая над столь необычной просьбой.

Наконец послышался тонкий, звенящий голос:

— Доноры будут, доктор. Непременно будут.

Маша Дуденкова не знала этого парня — он не был комсомольцем. Но о том, что с ним случилось несчастье, ей было известно.

В тот день Маша зашла к директору завода поговорить о предстоящем комсомольском субботнике. Зашла в тот момент, когда между директором и мастером. Активным происхождением, вострою девушкой, видимо, из которого секретарь комсомольского комитета полагал: в литейном произошло ЧП. Но она не предполагала, что это так серьезно.

Звонок главного хирурга вызвал в ее душе смутные. Маша не могла простить себе, что до сих пор не поинтересовалась состоянием молодого литейщика. Конечно, дел у нее по горло: подготовка к теоретической конференции, встреча с ветеранам производства, поездка в подшефный колхоз. Все это так. Но разве нельзя выкроить часок-другой, чтобы навестить больного? Ощущение своей вины заставило Машу действовать быстро и энергично. Не прошло и получаса, как в большой комнате комитета комсомола уже собрались секретари цеховых комсомольских бюро и комсорги. Многие пришли в спецовках. В комнате запахло хлопчатой.

— Что случилось, секретарь? — спросил кто-то из ребят. — Почему такая спешка?

— Ребята! — заволашевало сказала Маша, — вы, наверное, слышали о несчастье в литейном? Так вот, тут парень в очень тяжелом состоянии.

Юрий Нуйкин с женой и дочерью Аленькой.

стоянии. Чтобы спасти его жизнь, требуются доноры. Много доноров...

Подробно рассказал о своем разговоре с главным хирургом, Маша спросила:

— Каким будет предложение?

Поднялся комсорг Валуев из механического цеха:

— Дело ясное. Помочь товарищу — наш долг. Предлагаю немедленно разойтись по цехам и начать запись добровольцев.

— Правильно! — дружно поддержали все.

— Значит, договорились! Сбор добровольцев — после окончания дневной смены. Здесь, в комитете.

Проводя ребят, Маша позвонила Некрасову и сообщила, что в три часа дачу доноры будут в больничке.

Вроде бы все было в порядке. Маша хорошо знала комсомольцев завода — надежные товарищи. И все-таки где-то в глубине души он все шевелился червячок сомнения: хватит ли у ребят мужества лечь на операционный стол ради человека, которого они, в сущности, совсем не знают?

Но вот окончилась дневная смена, и минут через пять, в коридоре послышался шаг. Шумно распахнулись двери, и в комнату вошла целая ватага комсомольцев сборного цеха во главе со своим вожаким Костей Селивановым.

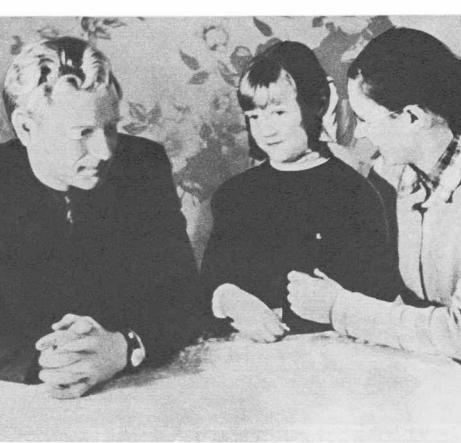
— Принимай, секретарь, наших посланцев! — крикнул он еще с порога. — Ровно тридцать! Желавших было гораздо больше, но я сказал, что хватит.

А в это время в дверях показалась новая группа добровольцев. Это были чертешки из конструкторского отдела завода. Комсорг Инна Володудова, невысокая, полная девушка со строгим лицом, пододвинула к Маше, торпелю и нетерпимо докладывала:

— Мы решили пойти всей организацией. Никто не захотел остаться. Даже Алла Блехмазова. Ты же знаешь, какая она слывшаяся. Я ей говорю: «Не ходи, обидимся без тебя». Ужасно обиделась. «Не твоё дело!» — отвечает. — Ты мою силу не измеряла.

«Молодец, Алла!» — мысленно похвалила Маша и посмотрела глазами Блехмазову. Девушка стояла возле двери, худенькая, бледнющая. Когда их взгляды встретились, Маша приветливо кинула. А добровольцы все шли и шли.

Людей набралось много больше, чем требовалось. Кому же отдать предпочтение? «Пусть

решают сами», подумала Дуденкова. Когда она сказала об этом, в комнате поднялся гул. Никто не хотел добровольно уступить место другому.

— Юрий работал в нашем цеху! — размахивая рукой смуглой ладонью литейщик. — Беда с ним случилась тоже у нас. Стало быть, спасти его должны мы, литейщики.

— Не согласен! — возразил ему Коля Семианов. — Он и наш товарищ.

— Одну минуту, — усмехнулся литейщик. — А вы хоть раз видели Юрия?

— Это не имеет значения.

— В спор вмешался Инна Володутава.

— Вы оба не правы, — сказала она. — Нельзя забывать о производстве. Допустим, вы не знаете, где находится из цехов. А что будет с планом? Вы подумали об этом? Предлагаю послать нас, конструкторов. Ничего не случится, если наш отдел временно поредеет. Наверное, потом.

Маша примирительно сказала: — Не надо горячиться, ребята. По-моему, Инна права. Пойти должны те, кто непосредственно не связан с производством.

Странно сразу прийти.

— А мне можно? — спросила нарядчица литейного цеха Лена Александровна. — С завтрашнего дня я в отпуску.

— Конечно, можно, — улыбнулся Дуденков.

— Удивительно совпало! — воскликнула кладовщица того же цеха Оля Симаква. — У меня завтра тоже начинается отпуск. Значит, вместе?

В кабинет врача входили поочередно. Терапевт прикладывал и спине каждого фонендоскоп, просил дышать и не дышать, выстукивал тонкими, длинными пальцами грудную клетку. Закончив эти манипуляции, передавал обследованного невропатологу, а тот — медсестре. Медсестра уводила donors к столу, усаживала рядом с собой, наносила ulcer митой в кончик мизинца и набирала в стеклянную пробирку кровь для анализа. Если кровь оказывалась первой группы, обследуемого прождали в приемной, если же второй или третьей, отсылали обратно. «Забравноваться» долго не уходили, требовали повторных анализов.

Оперировать Юрия решили в два приема, с интервалом в десять дней, поэтому молодых donors разбили на группы. Двадцатидва человек тут же разместили по палатам, а остальных попросили прийти в больницу через неделю.

Ребят облачили в просторные пижамы, девушек — в белые халаты. Но в этом наряде они больше походили на курортников. Громко разговаривали, шутили, наполняя тишину больницы юношеской жизнерадостностью.

Наутро их пригласили в операционную. Тут было не до шуток. Сама обстановка — огромные круглые зеркала, ослепляющие отраженным светом, люди в масках, острый запах лекарств — все это означало, что сейчас начнется операция, о которой никто из donors не имел ни малейшего представления.

Испытывая ли они робость, переживая порог этой необычной комнаты, куда люди попадают лишь в силу величайшей необходимости? Другому ли юношескому сердцу при виде острого блестящего скальпеля, пинцета и ножниц, лежащих в медич. тазике? Возможно, что все это было. И робость была, и сердечко ежало. Но держались они спокойно. Одна лишь Оля Симаква выдала свое напряжение, спрессованная.

— А вы не знаете, чем срезают кожу? — Обыкновенным ножом, — пошутил кто-то из ребят. — Возьмут два пальца, оттянут и... рубанут!

— Рубанет! — Оля надула губы, отерпелась. — Да ты не волнуйся, Симаква! — успокоил ее конструктор Корякин. — Сущий пустяк! Так срежут, что и не почувствуешь.

Когда открылся дверью операционный и пожилая медсестра спросила: «Кто из вас самый смелый?» — Корякин решил, что получил перед. За ним последовали еще двое.

Из уюлки на квадратные белые столы. Потерли спирт бедра, где надлежало снять кожу, смазали каленоем клеиным веществом и

сделали уюлки новоканна. Потом они увидели в руках хирургов маленькие валики в металлических оправках.

— А что это за чудо техники? — с любопытством спросил Корякин.

— Дерматом, — ответил один из хирургов. — Валик, как вы видите, острый бритва. Он снимает кожу, которая подложена клею намазывается на валик. Кожа потом замораживается. Вот и вся технология. — И хирург положил валик на правое бедро конструктора.

— Оригинально. А это? — думал... Корякин не успел договорить, как почувствовал уюлку боль в бедре.

Примерно через полчаса donors уезжали, их место на операционном столе заняла новая тройка: Алла Блехманова, Оля Симаква, Лена Александровна.

А человек, для которого все это делалось, тем временем лежал в пятой палате и горно стоял. Он и не подозревал, что где-то рядом заводские комсомольцы тоже терпят боль, чтобы спасти ему жизнь. Он не знал этих ребят и девчат. Они не знали его. Но их соединяла дружба, прочная нить товарищества и долга.

И вот наступила его очередь.

Когда Юрия уюлки на каталку, он сразу почувствовал операцию!

Долго, целую вечность ждал он этого часа. Ждал с невероятным уюпством и терпением, на которое только способен человек. Это были его последние надежды, не покидавшая даже тогда, когда, казалось, уже не было сил выдерживать мучительные боли.

Юрий устал закрывать глаза, прислушался. В операционной было тихо. Володутава перерыв варилась юбки, сестры, а потом послышался голос главного хирурга: «Наркоз!»

...Очулся Юрий уже в палате. Шумело в голове, но боли были не так мучительны, как раньше. И все же как-то изменилось. Обстановка палаты, к которой все эти дни он проявлял полное безразличие, теперь вызвала интерес. Юрию долго разглядывал букет левкоев, стоявший на тумбочке. Это были его любимые цветы. «Кто же их прислал?» — пытался угадать он.

Вшла медсестра. Подойдя к тумбочке, она сказала: «Букет Юрия. Юрия впервые заявил, что у нее удивительно тонкие, нежные руки».

— Тебе нравятся эти цветы? — почему-то краснея спросила девушка.

— Конечно.

— Совсем свежие. Я нарвала их как назло. «Как вот ты принес чудесный букет!» Юрию было приятно, что это сделала именно она. Он вспомнил, как заболит уюкала за ним эта девушка, когда он лежал совсем беспомощный. Часами не отходила от койки, в глазах ее было такое сострадание, словно она физически ощущала его боль. Любопытно, сколько же ей лет? Совсем еще девочкой... Нос вздернутый, косички смешно торчат из-под чепчика. «А она симпатичная!» — подумал Юрий.

Венером в палату заглянул Некрасов.

— Как мы себя чувствуем? — весело спросил он.

— Благодарю, доктор. Мне намного лучше, — начал благодарить, — впервые сказал Некрасов. — А тех молодцов, что лежат в третьей и шестой палатах. Хорошие у тебя друзья. С такими не пропадешь!

Так Юрий узнал о своих спасителях.

— Не бойся, — сказала Оля Симаква, — я сразу пошла к ним, расговаривала, поблаговарила.

...Александра Васильевна пришла к сыну на следующее утро. Юрий впервые с аппетитом позавтракал и теперь бездумно лежал на койке, наблюдая, как на стене развешены солечный зайчик.

Взглянув на сына, Александра Васильевна сразу заметила резкую перемену в его состоянии. На лице Юрия уже не было страдальческого выражения, которое заставляло сжиматься материнское сердце. Не было и прежнего отчаяния в его глазах.

— Вижу, тебе полегало, сынок? — сдерживая радость, остожно спросила Александра. — Кто его оперировал-то?

— Сам Некрасов.

— Дай богу здоровья!

— А знаешь, что дал мне доктор для пере-

сидки? — спросил Юрий. — Наши заводские комсомольцы. Они лежат в третьей и шестой палатах. Их поблагодарили мы, мама.

— Хорошо, сынок, я сделаю это сейчас же. ...Когда она вошла в третью палату, ребята сидели за столом и гремели костяшками домино.

— Милости просим, — любезно сказал Корякин. — Значит, вы мама Юрия Нуйкина? Очень приятно. Присаживайтесь.

Но Александра Васильевна продолжала стоять. И вдруг ее увидели, как по ее щекам катятся слезы.

— Что случилось, мамаша? — забеспокоились ребята, выходя из палаты. Увидев Юрия, скоро попрощались. Зачем же плакать!

Александра Васильевна вытерла кончиком платка лицо: — Это то радости...

Весь о благодарном поступке комсомольцев компрессорного завода быстро разнеслось по городу. В областной газете был напечатан рассказ об этой истории. В больницу зачастили посетители. Приходили соседи по квартире, товарищи по работе, знакомые и незнакомые горожане. Приходили с букетами цветов, пакетами фруктов.

В выходной день с компрессорного завода прибыла целая делегация во главе с секретарем паркома Александром Степановичем Драгуновым.

— Ну, как вы тут? — вошел в палату доктор, громко спросил Драгунов. Увидев на тумбочке многочисленные пакеты со сиделью, он весело воскликнул: — Ого!

Пакеты выгружали из явочки пухлые лица, Драгунов пристально вглядываясь в лица ребят.

— А вы молодцы! Действительно по-нашему, по-фронтовому! Приказом директора вам объявлена благодарность. А горком комсомола награди вас почетными грамотами.

Неделя спустя Юрий сделал вторую операцию. Тот день он спал намного дольше обычного. Сон был ровный, спокойный. Проснулся от прикосновения чужой руки. Болей почти не было, во всем теле ощущалась непривычная легкость.

«А ведь я почти здоров!» — с радостью подумал он и открыл глаза. То, что он увидел, изумило и растрогало его. Прямо над изголовьем, образуя полукруг, стояли те, кто спас ему жизнь. В руках у них были стаканы с лимонадом.

— За твою операцию, Юра! — подняла стаканы, дружно крикнули ребята. — И за нашу дружбу!

У него утешительно забилось сердце, сдвинуло горло. Долго не мог он собраться с мыслями, найти подходящие слова.

— Я буду долго жить, — наконец сказал он. — В моем теле теперь течет кровь верных друзей.

...Я обратился в комитет комсомола Пензенского компрессорного завода с просьбой сообразить, что сполна заслужил Юрия. После нашей встречи с ним прошло много времени. И вот письмо.

Вскрывая конверт, извлекла из него два листа бумаги, интересным ровным каллиграфическим почерком, и несколько фотографий. Две из них мне уже знакомы. А с кем Юрия ставил на третью, узнаю из письма.

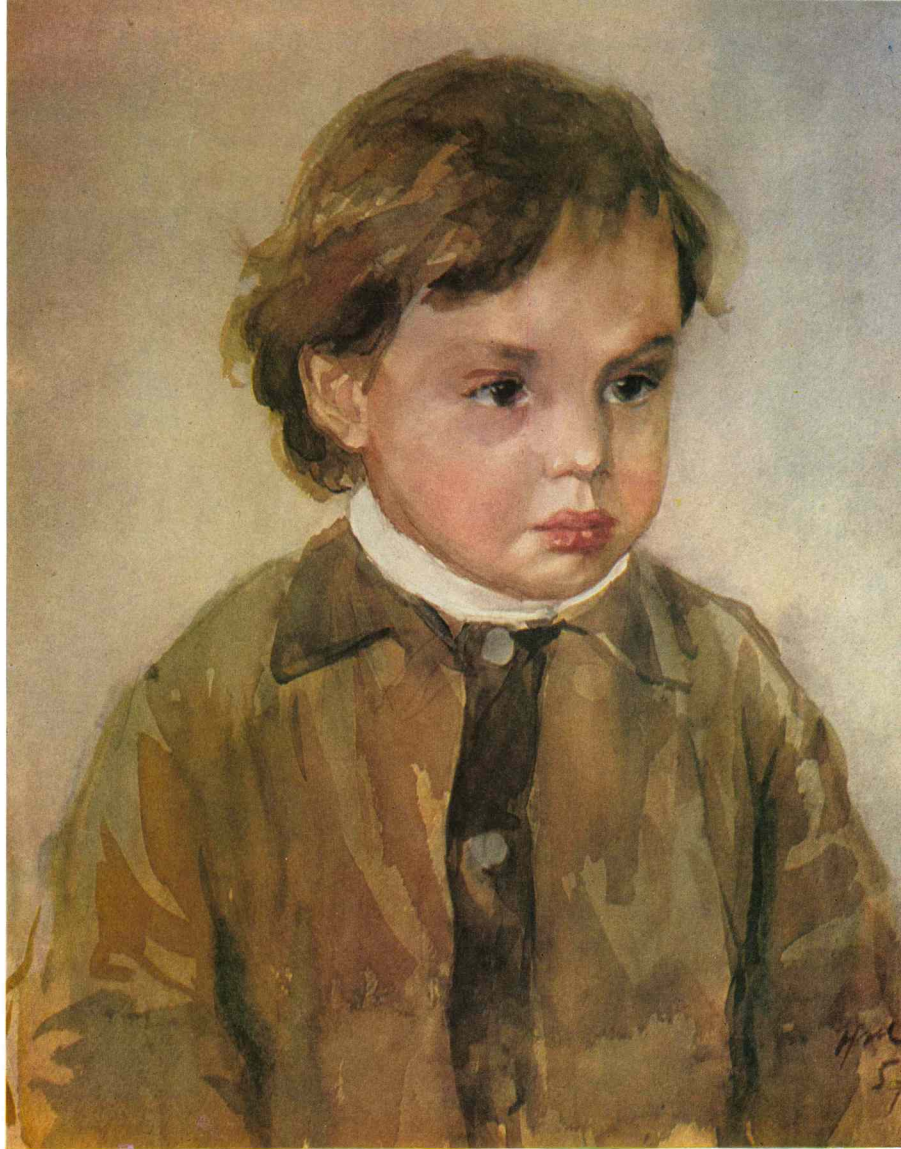
«Вы ребята хорошие, — начинал свое судачество после той несчастной истории! Ответил кратко: «Насколько». Я окончил техникум и теперь работаю мастером отдела технического контроля. Пропускаю моменты на вечернем отделении машиностроительного факультета заводского вуза. Уже перешел на третий курс.

Обязался семье. Помните медсестру, которую уюкала за мной в больнице? Она теперь — моя жена.

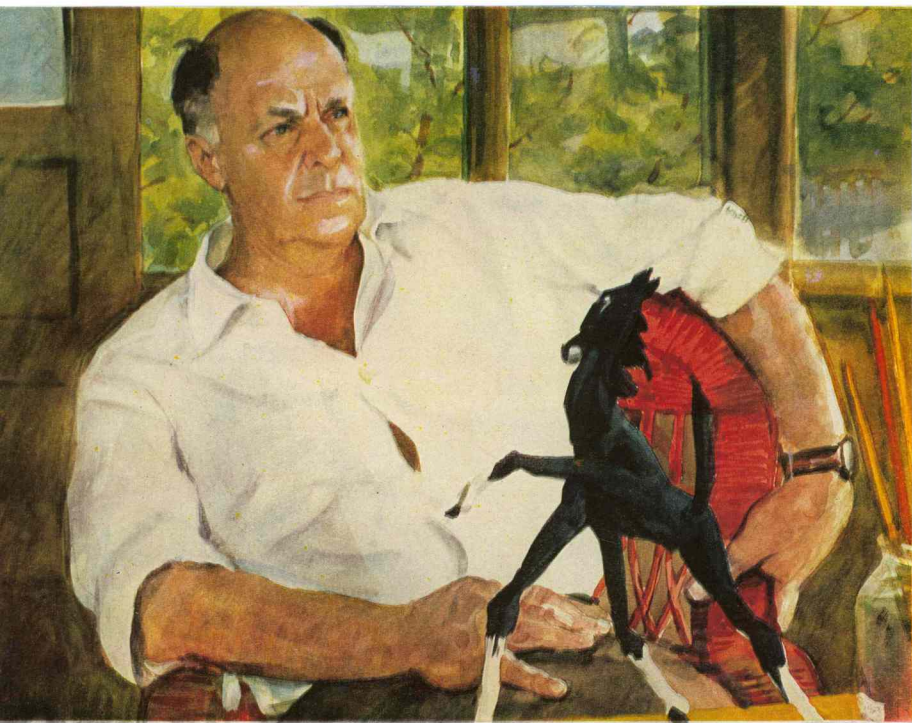
Есть у нас дочь Алёнка. Учится в первом классе. Очень любознательная девушка. Частко пристает ко мне с расспросами: «Папка, как тебе Юра? Он ведь был совсем здоровым комсомольцем? И я, уже в который раз, начинаю все подробно рассказывать.

Мне понятен ее интерес: Алёнке хочется стать похожей на своих людей, а это представляется самым мушкетерским: самых добрых и самых бескорыстных».

Как хорошо, что есть у нас такие люди!

Н. Жуков. АНДРЮША.

Н. Жуков. НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР БОРИС ЛИВАНОВ.

ПОЭЗИЯ И ПРАВА

К 225-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИОГАННА ВОЛЬФГАНГА ГЕТЕ

Иоганн Вольфганг ГЕТЕ

Существуют имена-символы, имена, олицетворяющие как бы всю литературу, всю словесность своего народа. Для России это Пушкин, для Польши — Мицкевич, для Германии — Гете.

Иоганн Вольфганг Гете переплавлял в своей душе старинные немецкие баллады и сказания, он стал на стоящем этой поэзии, этого языка — и залогом его будущего. Величайший поэт, драматург, он был и замечательным прозаиком, стоит только вспомнить «Страдания молодого Вертера», облетавшие мир в те давние времена, когда не было ни радио, ни телевизоров, ни прочих, как теперь принято выражаться, средств массовой информации. Он автор блистательных лирических стихотворений и гениальной трагедии «Фауст», над которой трудился всю свою жизнь. Современники и потомки нередко называли его олимпийцем, но это определение не слишком подходило к нему, ибо он был не из тех, кто «добру и злу внимает равнодушно». Поражает в Гете широта его поэтических интересов. Гете неоднократно обращался к творчеству великих поэтов Востока Низами, Саади, Хафиза.

Когда в Веймаре у Гете побывал Василий Андреевич Жуковский, Гете вручил ему перо, гусиное перо, для передачи Пушкину. И сопроводил этот подарок стихами, в которых горюло как бы само перо:

Что себе ни разрешу,
Буду я для всех любезно,
Коль хвалу тебе я честно,
По заслугам напишу.

(Перев. С. Шервинский.)

Гете был не только величайшим поэтом Германии, на многие годы вперед определявшим развитие немецкой поэзии. Он, выдающийся мыслитель, был и крупным ученым, живо интересовался геологией, анатомией, биологическими науками. Он не устал и не мог замкнуться в пределах литературы, в пределах изысканной словесности — живая жизнь увлекала его во всех своих проявлениях.

Предлагаем читателю новый перевод одного из «клавейших» созданий Гете — баллады «Ученик чародея», искрящейся загорным народным юмором, в которой поэтический гений Гете раскрывается с еще одной, быть может, несколько неожиданной для творчества «Фауста» стороны.

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Наконец ушел из дому
Чернокожики соседский!
Так за дело! Мне знакомы
Все его слова и песни.
На него похоже
Буду говорить.
Смело стану тоже
Чудеса творить!

Пусть же алага
Хлынет щедро
И привольно заструится,—
Пусть вода, а не водница
Хлынет в чан,
Покинуя недра!

Нужа, старая метелка,
И, подобно человеку;
Хлопотунья, балаболка,
Раздвоилась — и шарки ножкой!
С головой-кастриюля
Что ты выешь круги!
Перестань — и лудей
За водой беги!

Что ж! Метелка покорилась,
И, подобно человеку,
Живо сбежала на речку,
И в обратный путь пустилась.
Поднялась свято,
Напоилась враз,
Три больших ушата,
Чан, ведро и таз.

Стой, метелка!
Право, малость
Потрудились,
И готово!
Ой, метла перестаралась!
Я ж забыл заклятья словом!

Я забыл слова перелою,
Чтоб водича не текла,
Чтоб вернулась к прежней роли
Обнаглевшая метла!
Перестань! Иль очень худо
Будет и тебе и мне,—
А метла все носит с пруда
Эту пакость в чужбину!

Стой! Ну, кто тебя торопит?
Воду носит,
Воду копит,—
Брось!
Отставить половое!
Ой! Оно меня утопит,
Это шабрюню отродье!

Ах ты, дьявольское семя!
Иль мой ты жаждешь смерти?
Над порогами над всеми
Водопадами-круговоротами!
Снова прежней лопкой
Будешь, вода-кастрия!
Вновь метелкой жалкой
Раболобно стань!

Непокорна
Ты, мерхля,
Ты без страха
Смерти ищешь,—
Так топориком проворно
Рассеку я метловице!

А метла без промедленья
Лезет с полною лопачью,—
Где ж топори! В одно мгновенье
Я расправлюсь с этой дрянью!
Бац! И раздвоилась
Палка-рукоять —
Время у малюпоса,
Мне вольней дышать!

Только
Половинки обе
Вновь тазы и крынки
Тащат!
Иль отпор их адской злобе
В небеса душа обращит!

А меж тем с усмешкой рабей
Водоносы колобродят:
Снигун я от этих хлабей...
О спасенье! Мастер входит!
— Мастер! То-то страсть:
Твой секрет разнохля,
Смогу я вызвать духова,
Но не смогу заклясть!

«Половинки, спейтесь вместе
И метлою
В угол влазьте!
Этот мастера приказ!
Лишь один сейкой волшебник
Вправе для трудов служебных
Вновь из пелья выводить вас!»

Перевел Александр ГОЛЕМБА.

Пусть себе выговорится...

Я сидел за своим рабочим столом, прижав к плечу телефонную трубку, а ее назойливый, монотонный голос сверлил мой мозг.левой рукой я вытер платком лоб, правой сгруппировал в сигареты пепел.

Стоял один из тех душаливо пасмурных августовских дней, когда лишь две категории людей сидят в своих котах: те, кому необходимо там сидеть, и те, для которых это не обязательно может вот-вот кончиться, пойдя или с нужной карты.

Мне надоело принадлежать к первой категории.

Я сидел и слушал ее (уже сколько лет я ее вот так выслушиваю). Но теперь, когда съеденное за ланчем стало отзываться в желудке коликами, я почувствовал, что с меня достаточно. Сегодня мои совести должно молчать. Будущее в моих руках, и я не допущу, чтобы оно выскользнуло у меня из-под носа—то, за что я дрался всю свою жизнь...

— Ма, послушай... Ма, прошу тебя!

— Я знаю, что говорю, Сидней,—не унималась она.

— Ма, ты не могла бы... Я отшвырнул платок в сторону.—Ма, послушай меня...

— Майк всегда был толковым мальчиком. Он понимает то, чего не понимаем мы с тобой, даже чего твой бедный отец не понимал. Если он видит зло...

— Послушай!—Я взял трубку в руку.—Да Майк еще ребенок! Шпана зеленая!

— Не кричи на меня, Сидней! Ты-то уже не мальчик.

— Ладно, но откуда ему знать жизнь: ведь он все время торчит в своем колледже! Да и кто он такой, в конце концов, чтоб приглядываться к каждому доллару, есть или нет на нем следы пота?

— Не пота, Сидней,—грязь.

Меня бесила ее невозмутимость.

— Слушай, звонит другой телефон,—поспешил я от нее отжаться.—Завтра поговорим. Но мне не унималось:

— Ты сможешь ко мне заехать?

— Тысячу раз твердил тебе: перебирайся в Нью-Йорк. За квартиру буду платить я. У меня нет времени мотаться в Форест Хиллс.

— Бродяг—это для тебя. Меня же больше устраивает здешний свежий воздух.

— Ну, тогда и дыши им, сколько влезет.

— Мож бы хоть изредка меня навещать.

— Чего ради?—возмутился я.—Чтоб собственные родственники то и дело тыкали тебе в глаза, что ты недостойно помылиши им?

— То, что ты делаешь, Сидней, ты делаешь не для нас. Никогда не пытайся себя этим обмануть.

— Благодарю,—злобно буркнул я.—Премного благодарен. А теперь разреши откланяться. Меня ждут дела.

— Ты не должен так переутомляться...

— Конечно, конечно, до свидания.

— Старайся больше спать...

— Ладно, ладно...

— Правильно питайся.

— До свидания.

И нет-нет навещай меня.

— Ясно!

Я бросил трубку.

Тут же зазвонил телефон в приемной. Глория сняла трубку.

— Кто это?—осведомился я.

— Не знаю. Не захотел назваться.

— Меня нет,—предупредил я.—Нет ни для кого.

— Похоже, это был Стас Даллас.

— Ну и пусть. Меня нет.

Интересно, отозвался ли в моем голосе та внутренняя дрожь, которую вызвало во мне его имя! Не takeю уж это и неприятное ощущение, думаю, куда хуже. Выходит, я себя недооценивал. Все эти годы сам себя держал в тени, адальбливая в голову, что существуют вещи для меня невозможные. Из кучи бумаг на столе я вынул чек, взял письмо, с которым мой брат возвращал его обратно, и перепечатал в третий раз. Как человек, который бьет себя «под ложечку», чтоб доказать свою стойкость.

«Дорогой Сид!»

Сомневался, чтобы до тебя это дошло, но я считал невозможным принять твои пять сотен. Все равно, спасибо тебе за твою щедрость. Тебя, вероятно, ужасает, что на учение я зарабатываю в прачечной. Но, поверь мне, в этом нет ничего плохого. Прачечная, Сид, тем и хороша, что нет в ней грязи. К тому же мы всегда работаем чист, никогда не ползем на коленах. Понимаешь?

Кстати, как тебе нравится упорство «Доджерсов»? Если они сдадут, у меня предчувствие, что выплыв за меня. Пополним мои слова.

Майк.

— Пополню твои слова,—пробормотал я, разрывая письмо на клочки, которые отправил в мусорную корзину.—Явись только ко мне за помощью с дипломом в руке и тревогой во взоре, и я их припишю. Мой брат Майкл Уоллес, славный рыцарь Галаад¹. Я помню наш последний разговор, ты был тогда в сверкающих доспехах и шпала твои разгля в самом сердце.

... Привет, Сид.

— Здравствуй, Майк.

— Вчера видел тебя на матче.

— Правда? Что же ты не мне не подошел?

— Ты был с Хэнксеном.

— Ну и что?

— Не знаю.—Он шаркал по ковру ногой.

— Я решил, ты, может, не хочешь, чтобы я и тебе подошел, когда ты с ним.

— Не знаю, не хочу.—Я сказал это резко, будто за гневом можно скрыть правду.

Галаад—персонаж легенды Малори о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, благородный, бескорыстный человек (Питр, переводчица).

— Не знаю,—уставившись в пол, пробормотал он.—Игра была что надо, а?

— Да, была!—Глория встала в сторону.

— Тебе понравился Кример?

Я промолчал, чувствуя, как приливает к щекам кровь. Я знаю, что молчанье тут не отдалека.

— Почему Хэнскер встал и ушел, не дожидаясь конца матча?

— Откуда мне знать?—Слова застряли у меня в горле.

— Почему он ушел в настоящий, по-спортивному честный матч?

— Наверно, чтоб набавить деньги.

Я пошел в ванную, он за мной, Глория у него был тихий и раздрачивный, как у матери.

А почему ты, Сид, встал и ушел вместе с ним? Ты ведь всегда говорил...

— Не сусис не в свое дело!—отбрылся я.

— Ты ведь всегда говорил, что мог бы пожертвовать правой рукой, лишь бы увидеть по-спортивному честный матч?

— У тебя превосходная память.

А тут так иррационально «Кардиналов» и ты уходил, не дожидаясь конца... невозмутимым голосом продолжал он,—только потому, что ты пресс-агент, обозреватель не адекватно...

Пуст!—та!—не выдержал я.—Пуст! та! Тут он мне улыбнулся и раздвинуло почкалая голову.

Мой брат, Майкл Уоллес, большой хитрец...

Я разорвал чек и клочки тоже бросил в корзину. Он меня больше не трогал. Ма тоже. Плавает в наих котел.

— Глория, узнайте, не вернулся ли Ирани Спэн.

— Сию минуту.

Я взял алмазный платок и вытер им шею. Беда в том, что сегодня на карту поставлено все. Чутье мне подсказывало, что я впервые оказываю Харин Хэнскеру столь значительную услугу. Я понял это уже тогда, когда утром продал глаза, чувства противный холодок в низу живота и испытывая нежелание вставать с постели. Потом я сидел за своим столом в коте, стараясь не думать о газетах, которые появятся днем. Когда, наконец, вошла Глория и положила перед мной клуб газет, я минут десять не решился их раскрыть. И не потому, что боялся не найти там этого фелетона. Нет. На таких писек, как Отис Элвелл и Лео Барта, всегда можно положиться, особенно когда подбрасываешь им больше и свежее куски сырого мяса, приправленные соответствующими специями. Я боялся собственной реакции на фелет ассмпли¹, на отпечатанном черным по белому доказательстве того, что я ни перед кем не становлюсь, как бы низко ни пришлось опуститься. Только бы угодить Хэнскеру.

Уромец Среднего Запада, он за короткий срок добрался почти до самой вершины, на которой козыничали Уинчелли и Салливаны. Пока большинство обозревателей, повернувшись спиной к Бродвею и Голливуду, внимательно следили за сценой, на которой разворачивались важнейшие международные события, Хэнскер позитил мантро и провозгласил себя истинным королем подмостков.

— Хэнскера не интересует политика,—сказал он мне, проработав в редакции «Глобу» всего несколько недель.—Пусть другие интересуются проблемами мира и Объединенных Наций. Хэнскера интересует Хэнскер.—Он сверлил меня своими косыми глазами.—Если бы, Сидней, мальчик соблазнительный, а я думаю, он так и есть, тебя тоже будет интересовать Хэнскер.

Тогда, оставшись наедине с собой, я усмехнулся. Но с тех пор прошло пять лет. Теперь

1 Сверхиншишис фант (Фр.).

уже никто не смеялся. Хансекера почитали. Деловой мир почтительно преклонял колена перед его стремительно растущими тиражами и все возрастающим влиянием. А достиг он этого всего лишь тем, что обогатил слово «слухи» новыми, скабрёзными значениями.

— Ирвин Спэн по первому,— крикнула Глория.

— Я спал трубку.

— Ира, детка! Сидней.

— Что все это значит?

— Я что-то тебя не пойму, Ира.

— Ума не приложу, чем все это вызвано.— Меня поразило его ледяной тон.— Ты и сам, Сидней, не видишь причин, верно? По-моему, ты еще не читал газет, да?

— Детка, я их никогда не читаю, если только не рассчитываю урвать там кое-что для себя. Сегодня же мне рассчитывать не на что.

— У тебя есть свежие газеты?

— Нет,— солгал я.

Наступило молчание.

— Ну, ладно. Тогда позволь, я тебе кое-что зачитаю.— Я услышал, как он зашуршал газетами.— Позволь, я зачитаю тебе основную суть высказывания одного насокомого по имени Стис Эппель. Ты меня слушаешь, Сидней?

— Валли.

— «Сенсационные новости,— начал читать он,— которые вы сейчас услышите, связаны с карьерой одного эстрадного певца, восходящего вверх по лестнице успеха в дымке славы, дымке марихуаны. Не очень-то выиграет некое заведение в Ист-Сайде, где этот парень процветает, когда обнаружится, что он, кроме всего прочего, душа партии. Какой? Да коммунистической!».

— Да ну!,— начал было я.

— Обожди минуту,— перебил он.— Не бросай трубку. Позволь мне зачитать вот это, из заметки маленького Наполеона, моего друга Лео Барты, который мне кое-чем обязан. Ты только послушай.

— Я тебя слушаю, детка.

— Мой друг Лео Барта пишет: «Благодаря своеобразному пристрастию к курению, которое отличает этого громко хваленого новичка, элегантный *boite**, а котором он поет, пропах дурным запахом. Ах он, эдакий озорник! А что еще можно ожидать от человека, именующего себя коммунистом?»

Я разгладывала свои ногти. Необходимо сделать манииор.

— И кого они имеют в виду?

— Кого они имеют в виду?— Внезапно его голос дрогнул.— Не знаю, кого они имеют в виду. А ты, Сидней, случайно не знаешь? Они тоже, вероятно, этого не знают, но все остальные думают на Стива Далласа. Вот кого они имеют в виду!

— Стива Далласа? Да ты с ума сошел!— Я вложил в эту реплику как можно больше души.— Даллас — коммунист? Даллас — наркоман? Этот мальчик! Не будь идиотом, Ира!

— Послушай меня, Сидней.— Он с трудом овладел своим голосом.— Ты думаешь, я идиот? Да, я знаю, что это неправда. Этого парня я знаю лучше, чем самого себя. Он изумительный парень. Но люди читают фельетоны и верят тому, что в них написано. Вот в чем вся беда. И когда ты читаешь вот это, так уж получается, что на ум прежде всего приходит Стив

* *Boite* (фр.)— ресторан, преимущественно ночной.

К
Е
Х

Даллас. Не знаю, почему. Просто так получается. Благодаря специальному подбору слов. — Просто так получается. Как ты думаешь, Ира, откуда Эвелил с Бартон зачерпнули эти помехи?

— Они никогда не называют перекончившим. Разве тебе, Сидней, это известно?

— Я молчал.

— Сидней?

— Да, Ира!

— Есть у тебя какие-нибудь соображения, чем все это вызвано?

— Нет... нет,— ткнул я.— Ну, я не могу ручаться, но...

— Но что?

— Ну, это всего лишь мои предположения. Ты ведь знаешь, как Эвелил с Бартон заведуют синдикатом Хансекера и как они дохнут от зависти, что ему за несколько лет удалось достичь того, чего они не достигли за всю жизнь...

— Продолжай, я тебя слушаю.

— Это всего лишь мои предположения. Они, Эвелил с Бартон, похитили на злобных подростков. Может, они обрушили на Сьюзен Хансекер? Может, они поливают твоего мальчишку помехами, чтоб раскисатели с Хансекером через его младшую сестру!

— Все это, Сидней, очень неправдоподобно.

— Ты считаешь!

— У меня всегда было впечатление, что Хансекер посвящает тебя во все, даже в свои. А тут ты говоришь так, будто не знаешь, что Хансекер вовсе не в восторге от этого романа. Будто ты не видишь, что происходит вокруг тебя.

— Все это разные вещи,— поспешил заверить его я.— Одно дело — это знаем мы с тобой. Другое ведь не знают. Поверь мне, у Эвелила и Бартон есть все основания думать...

— Сидней...

— Да!

— Ира, мы очень не хотелось тебе говорить, что я обо всем этом думаю.— Голос снова ему изменился.— Боюсь сказать, но мне пришлось в голову...

— Детка, не давай лопу своему воображению. Встряснись.

— Ладно, Сидней, встряснись,— записывая, сказал он.— Забуду, что через пять минут после того, как вышли газеты, мне позвонил Ван Клиг. Забуду, что сегодня днем он ждал нас с Далласом. «Зачем?» — спросил я у него. «Неважно зачем», — отрезал он.— Приходите, и все. Ему и не надо говорить, зачем. Я все помню. По его голосу. Через десять минут еду туда, чтобы услышать, что «Элизин руми» в Далласе больше не нуждается. И это — только начало. Слово не воробей: выпорхнуло — и все тут. Стив теперь никто не заочет зайти...

— Послушай, детка...

— Ты понимаешь, Сидней, что это значит? У меня даже ребятншек, а Грейс еще не может работать. И в карманы нет своего Харви Хансекера. У меня вообще пусто в карманы. Был только этот парень Даллас, который в один прекрасный день мог стать золотойной шахтой: у него есть для этого все данные. Все с А. Теперь он со мной в черт!

— Послушай, Ира...

— Да, да, Сидней, за что?

— Детка, послушай меня...

— Чем я такое заслужил? Чем он такое заслужил?

— Минуточку, Ира. Давай рассуждать здраво. Все не так уж и плохо. Может, он на самом деле потерял один-два контракта, но дальше этого дело не пойдет. Пара абзацев, в которых не названы имена, в паре второстепенных фельетонов не могут губить такой талант, как у него. Уже через неделю об этом все забудут. А как только эти завистливые и злобные кретины узнают, что твоему парню нет больше дела до сестры Хансекера, они его бросят и выберут для себя новые мишени. Они...

— Что ты сказал, Сидней! — медленно и осторожно спросил он.

— Я сказал, что двух второстепенных фельетонов мало, чтоб губить такой талант.

— Нет, Сидней, не это. Ты сказал что-то еще. Я помню.

— Я сделал глубокий вдох. Все это не так уж и легко дается. — И что с Далласом ничего не случится, если он забудет о Сьюзен Хансекер? — набравшись храбрости, выпалил я. — Больше ничего не случится.

— Наступила жуткая тишина, хуже которой я не помню.

— Сидней! — простонал он. — Господи, Сидней... ты и я... — Он поперхнулся. — Мы вместе росли. Игравы в одной баскетбольной команде в одной школе. Вместе ходили на свидания. Разве ты этого не помнишь? Ведь это я, Ира Сплэ... Ты ведь тогда была бы мной. Неужели ты ничего не помнишь?

Он явно раскис.

— Ира! — крикнул я в трубку. — Послушай меня!

— Ладно,— вскрикивал он. — Слушаю! — Плущай! Давай. Что мне еще остается делать? — Я подождал, пока он выморкнется и поставится взять себя в руки.

— Послушай, детка,— прижимающе начал я. — Давай рассуждай здраво. Ты же агент, к тому же лучший друг. Поговори с парнем. Он тебя послушает. Уговори его отказаться от этой девушки, и все будет в порядке. Если он от нее откажется, с ним больше ничего не случится. Никуда. Ну как, проявись. Благодарю!

Его ответ прозвучал сухо и натянуто, будто между нами никогда ничего не было:

— Ладно, Я. — С ним поговорю. Я посмотрю, что можно сделать.

— Ты, детка, мой друг, да и Стивя я очень уважаю. Поэтому не хочу, чтоб с вами что-нибудь случилось. Ты ведь это понимаешь, да, Ира?

У него в горле что-то булькнуло.

— А, Ира!

Телефон замолчал.

Вытираю со лба пот, я снова ощутил в желудке колики.

— Глория! — нетерпеливо воскликнул я. — Подите сюда.

— А что такое со мной? — подошла к столу, уставилась на меня.

— Что с вами, мистер Уоллес?

Я сдержито взглянул на нее.

— А что такое со мной?

— Вы неважно выглядите. У вас какой-то... какой-то... странный вид.

— А вы что хотите от меня в эту жару? —

фыркнул я. — Может, вы не знаете, что сегодня жарко? Я и так всегда вам все объясняю. Выходит, еще нужно объяснить, что сегодня жарко?

— Просту прощения! — Она обижено глянула на меня. — Я только хотела сказать...

— Плавать, что вы хотели сказать. Если мне понадобится узнать, как я выгляжу, я подойду к зеркалу. А теперь пишите на листке из синего блокнота. Не беспокойте, чтоб это доставило одновременно Отису Эвелилу и Лео Барте. Пошлите к ним курьера. — Я вытер нос и стал диктовать: «Дорогой, хочу, чтоб ты знал... что я прислал это исключительно тебе». Исключительно тебе выделите. «Буду уверен, что ему это понравится». «Ему выделите».

— «Дорогой» — читала Глория, — хочу, чтоб ты знал, что я прислал это и исключительно тебе. — «Твое. Будь уверен, что ему это понравится».

Она ждала, нацелила карандаш.

— Это все,— сказала я.

— Но, что я пишу Эвелилу?

— То же самое. И тому и другому.

Она как-то странно на меня глянула.

— И тому и другому?

— И тому и другому, — подтвердил я, выдержав паузу. —

Она туло усталилась на меня, не двигаясь с места.

— Может, вы хотите что-нибудь сказать? — резко спросила я. — Есть вопросы, Глория?

Она повернулась, чтоб идти.

— А хоть они и есть, я их слышать не хочу, — послал я ей вдоухов.

В самом начале Глория была мне большой подмогой; ведь нередко от того, удовлетворит ли нет ваша секретарша пустуюую просьбу подождать несколько недель с жалованием, зависело, быть или не быть делу. Теперь же меня позавидовало ощущение, будто мне слишком долго проработали вместе. Глория была частью старого порядка. А мне теперь нужна такая секретарша, в огромных карих глазах которой я не вижу никаких признаков благополучия и которая не станет ожидать от меня того, чего я в настоящее время уже никак не могу себе позволить.

Я взглянул на свои часы. Пять минут пятого. Грани очередного обозрения должны быть готовы. Застегнул воротничок рубашки, заткнул узел галстука и снял с крючка пиджак.

— Буду у вас уже, — бросил я Глории, прощаясь мимо ее стола.

— Вы вернетесь?

— А в чем дело?

— Понимаете, здесь так жарко. Я думала...

думала, может, я смогу уйти пораньше.

— Только не сегодня.

— Большинство девушек в других учреждениях...

...Я вернусь, но если вдруг кто-то зайдет, меня сегодня не будет. Ясно?

— Да,— тихо ответила она.

Я направился по коридору к лифту и нажал кнопку.

Разумеется, у меня был поганый, а у кого он в такую жару лучше? — спрашивал я самого себя.

Пробуждение слезбует.

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА.

ГОРЖУСЬ
И ЗАВИДУЮ

Дорогая редакция! Увидев снимок стрелковой Байкало-Амурской магистрали в № 1 «Огонька», я поздравил с на Андрее (учится в шестом классе). — Ну и что? — спросил сын. — Стрелки нам стрелять! Детей-то, стрелки! Как стрелки. Но яглавства внимательно. Как парижские их лица, как красиво они одеты. Сразу видно: идут к нам современники, настоящие строители коммунизма. Вот на переднем плане две девушки в современных платьях, но не в современных прикрасках. А ребята! Не буду говорить о внешнем облике. Но посмотрите на их лица. Это лица и «физиком и лириком». Конечно, и у них будут трудности. Но это радостные трудности. Посмотрите внимательно, слушающиеся во все происходящее, и охватывает радость чужую радости. Если бы я был в их возрасте, то непременно поехал бы на эту стройку. Похорошему завидую и желаю им больших успехов! В. А. ГАЙДЕНКОВ, военный преподаватель Архангельского высшего военно-авиационного Коосназначенного училища летчиков ПВО

Мы идем по весеннему Баку. Сафаров неожиданно бросается в сторону и ловит мальчишку с зонтиком-ключиком в руках. Только теперь замечаю: на улице идет мать. Мальчишка вырывается, игра замарает, и команды спешат к нему на выручку, а Сафаров о чем-то расспрашивает мальчика, что-то записывает и отступает с миром. Сафаров жестикулирует: «Какой конек?! У нас и в футбол играть не умеют. А мальчик быстрый! Вот Саша Корнелюк уехал в Москву. И разве только он один? Уехал Пичулкин, Лисин, Мироненко... Надо искать смену!»

Корнелюк — любимый ученик Афгана Гейдаровича Сафарова — для многих остался загадкой. Найдите такого! Маленький, худой. За всю жизнь Сафаров впервые нашел такого. В 1969 году мы проводили соревнования в Ужгороде на призы журнала «Легкая атлетика». Поздно ночью постучался Сафаров, заросший, с воспаленными от бессонницы глазами, застал «Ох, трое суток летел! В Москве и Львове ждали погоду. А завтра соревнования! Сашу уложили, а мы с Сафаровым долго сидели, и он рассказывал об американских планах. Перед Корнелюком была поставлена задача: бег 100 метров — 10,0 — финал Олимпийских игр.

Хорошо помню те дни. Медленные закатрассата осень. Первые туманы. И мы, тридцать тренеров всесоюзного сбора, устав до солнца, в белом мареве ровняем, чистим гаревую дорожку. Стараемся, будто сердцами чувствуем — что-то будет. И на таком несовершенном стадионном покрытии Саша Корнелюк промчался 100 метров за 10,1 секунды. Как мы тогда радовались за Сафарова!

Прошло три года. В Мюнхене Александра Корнелюка всего тринадцать сотых секунды отделяли от бронзовой медали.

Трудно новичку на стадионе. Он с почтением смотрит на тренера, с уважением — на более старших. Увидев, как новенький метается, не рискуя начать, Сафаров складывает ладонь рупором: «Внимание! Внимание! Прыгает Алиев Адыл, чемпион XXV Олимпийских игр 1992 года. И все смотрят на прыжки, и никто не смеется. А он расправляет жилые плечи, и после таких слов прыжок действительно улетает. И тогда Сафаров обнимает его: «А ты думаешь, я шутил! Спроси у других». И парень оглашает вокругу: никто не смеется.

Растут достижения его учеников. Когда начали подшивать рекорды сафаровских ребят, то их оказалось 119. Вот сколько раз рядом с новыми юниорами достижением страны стояли три слова: «Баку, «Динамо», А. Сафаров».

С высоты 13-го этажа бакинских гостиных, где я живу, вспоминаю соревнования СССР в Барьерном беге среди юношей 4. Бедалов показывал пятым явным: «там был стадион «Динамо». Жара, холод, ветер. А

мы тренируемся. Когда сейчас слышу, как спортсмены двухразовый тренировочный, улыбаюсь. Мы тренировались три раза в день: до школы, после школы и вечером. Будущий рекордсмен мира Ненашев, пришедший с войны Мадатов.

Остальное добавляло от себя: Чингиз-Абулха-Отлы Бедалов, которого учили трудиться Сафаров, в 35 лет стал доктором наук и профессором. И хоть сейчас он совсем не похож на молодого атлета со старой фотографией, храни-

лись». Забота о младших братьях и сестрах легла на плечи Сафарова. Он их растил, женил, выдал замуж. И еще была полуслепая мать, которая жила в его доме. Он был для нее и врачом, и санитаркой. И остался один. Нет, это неправильно: у него много детей. И чем дальше растут его дети, тем больше понимают, сколько отдаст им учитель. И когда Сафаров, сложенный переутомлением, был уложен в лечебницу, больные ухаживали непрерывной чередой посетители: кто-то эти че-

нул лозунг, успешно прошедший через много поколений: «без питания нет метания». И Сафаров начал кормить его на свои деньги. Заслуженный тренер Сафаров всегда думает о своих учениках, даже тогда, когда он читает лекции в Иране, Ганеве или Судане или работает со сборной командой страны.

Когда-то он круглый год босиком бегал в школу, собирал колоски, чтобы накормить семью, работал на ткацкой фабрике, учился на рабфаке, в институте народного хозяйства, во время войны служил интендантом, снабжал хлебом армии, оборонявшие Ленинград. А после войны окончил институт физкультуры, нашел свое призвание в спорте. Сафаров — заслуженный тренер СССР. Это звание получено за подготовку легкоатлетов Азербайджана, но и советских и бегунам Литвы, и метателю Кишинева, и прыгунам из Армении. Увидев олимпийский нос, лукавые глаза, сползшую мудрость в мыслях и пулеметную скорострельность в словах, его часто за границей спрашивают: «А вы кто?» — отвечает Сафаров, И, чтобы не было сомнений, добавляет: «Я из Баку». И когда у Саши Корнелюка спрашивают, как он вообще на вырост, он с гордостью отвечает: «В Баку».

Трудно представить сейчас, что один из сильнейших спринтеров мира был заурядным мальчишкой: рост 158, вес 45. В 1972 году на XX Олимпийских играх он завоевал серебряную медаль в забеге на 100 метров, установив личный рекорд — 10,0.

Я вспоминаю Минск 1970 года. Тогда Корнелюк выиграл у Борзова и стал чемпионом страны. Сафаров сидел в столовой один и сам, как привил давно, молча переживал свою разлуку с родным пил, не ел, просто ему хотелось быть на людях. И каждый входивший в зал шел к Сафарову и обнимал его. И все теснее и теснее становилось за столом Сафарова. Лапы, узбеки, литовцы, казахи — все шло к Афгану Сафарову.

С того момента, как он начал работу тренера, прошло тридцать лет. И на том месте, где был когда-то стадион «Динамо», сейчас возмущены высь отел «Иттифак», а рядом упирается лишь маленькая площадка. Высоко поднялись деревья и скрыли ее. И многие баники идут мимо, не подвывая, что на автостоянке легкоатлетического пятака выросли чемпионы СССР А. Корнелюк, Б. Пичулкин и многие другие. Все собирается снести эту площадку. А может, не стоит? Пусть приходит сюда школьники, как приходили сюда в прежние годы сотни маленьких баников. Они давно выросли и разошлись по жизни. Где только не работают ученики Сафарова! Их можно встретить в высших органах республики и на нефтяных промыслах, на стройках и в магазинах, в школах и институтах. Их прошло столько черед его руки, что он стал забывать имена и лица. Наверное, через год можно на пенсию. Но ведь Сафаров ни разу не отдыхал. И придет, получит отпускные, распорядится, а через день встанет с какой-то просьбой — и вот он снова со своими детьми. Он всегда будет вместе с ними, Афган музильник! Учитель Афган Сафаров.

Баку — Москва.

УЧИТЕЛЬ САФАРОВ

Всегда с молодежью.

щейся в альбоме его учителя, но он сохранил свою спортивную стаб.

Что же главное в работе и успехах Сафарова? Почему мальчишки лунят к нему, почему пишут из других городов? Откуда у него интуиция? Откуда педагогическое чутье? Все мы живем работой. Но у нас есть семья, другие увлечения. Афган Сафаров одинок. В один миг из него умер отец и после тяжелого ранения закончился старший брат. Это случилось в мае 1945 года. «Я умру, а ты

ловек!» И если Сафаров поднимал до срока, если, по собственному признанию, у него сил стало больше, чем раньше, то потому, что увидел он, скольким людям еще нужен...

Война кончилась. Сафаров пришел в школу № 10 создал там секцию «Юный динамовец». В квартире Сафарова шкаф, набитый книгами и газетами, сувенирами, привезенными издалека, портретами спортсменов. В тяжелые послевоенные годы всеявлек Ненашев в ответ на требования Сафарова увеличить нагрузку выдвигал

ЗА НИМ — 2000001-й

Юбилейная вахта началась утром. Этот будущий автомобиль ничем не отличается от тех, что уже прошли нонешер, ни от тех, что ждали своей очереди. Но из заводов знали: нет двухмиллионный! Все почти, причитающиеся юбилею, достались этой машине по праву — и алые звезды на борту и широкая, размашистая, нарисованная надписью «2 000 000».

В полдень 16 августа «Москвич-412» сделал свои первые метры по заводскому двору. Почетный эскорт мотоциклов, аплодировавших тем, кто собрался в этот день на заводском дворе, и митинг, выступавший на котором секретари парткома завода А. Яковлев заявил: «Открыт счет третьему миллиону».

Следит с конвейера Московского автозавода имени Ленинского комсомола автомобили. Когда мы будем встречать трехмиллионный? Посчитайте, если мы знаем, что на выпуск первого миллиона потребовалось 20 лет, а на второй миллион ушло лишь семь...

В. КОНСТАНТИНОВ.
Фото В. Климова.

А. В. ЧУРКИН

СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕЛА

А. В. ЧУРКИН

РАДОСТНАЯ ПРИМЕТА

Если говорить об одной из самых примечательных черт советского села сегодня, то это размах строительства, как общественного, так и индивидуального. Радостная примета нашей действительности!

Преобразование сельских населенных пунктов в поселки городского типа при сохранении природного своеобразия, создание для жителей села бытовых условий, не уступающих городским, — одна из важнейших задач, поставленных XIV съездом КПСС.

Политбюро партии, — говорил товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XIV съезду, — направлена на то, чтобы содействовать сближению рабочего класса, колхозного крестьянства, интел-

А. Н. ЧУРКИН. Строительство и преобразование села в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства. Тбилиси, «Сабхата сакартвело», 1974, 648 стр.

лигенции, постепенному преодолению существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. Это — один из главных участков строительства бесклассового коммунистического общества».

Этой проблемой и связанными с ней вопросами сейчас занимаются многие научно-исследовательские институты, проектные организации, большие отряды ученых и специалистов. Издано немало книг, посвященных сельской архитектуре сегодняшнего и завтрашнего дня, экономике села, его планировке, строительству и т. д. Среди этих изданий — вышедшая недавно в Тбилиси монография кандидата экономических наук, депутата Верховного Совета СССР А. Н. Чуркина «Строительство и преобразование села в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства».

Круг тем, затронутых в монографии А. Н. Чуркина, весьма широк: это и принципы архитектурно-планировочных решений генеральных планов, и выбор наиболее рациональных типов жилищ и общественных зданий, проблемы миграции сельского населения, задачи сельской экономики и другие вопросы, характерные именно для наших дней, когда советское деревня становится все более богатой, красивой и благоустроенной.

Начиная с предисловия, автор книги (иногда книга — это многократный результат бурно растущего материального уровня колхозников и сельскохозяйственных рабочих. Большой фактический материал посвящен эффективному творческим поискам советских архитекторов в планировке сельских населенных пунктов. На конкретных примерах А. Н. Чуркин убедительно доказывает преимущество социалистических методов решения проблем сельского строительства.

Борис ПРИМВЛОВ

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШТАЕВ

УПОРСТВО ТУРИСТА

Кто такой турист, я вас спрашиваю. Это человек, у которого на первом месте упорство, на втором — воля, на третьем — целеустремленность... В общем, сказав замло пройдет, а своего добьется.

У меня знакомый турист есть. Как раз такой человек. Завлялся туризмом он совсем недавно, а уже успехов достиг: стал разрядником. Сначала, правда, не все у него гладко получалось. Тут вот в чем загвоздка вышла. Как задумал он за это дело взяться, ну стал у людей опытных спрашивать: что, мол, для этого требуется? Ему кто-то возни и сканжи: дескать, первое дело для туриста — кеды хорошие, по ноге что были.

А легко сказать по ноге, если нога у этого знакомого сорок шестого размера да еще с половиной. Вот и стал он по магазинам ходить, кеды искать. Ищет, ищет — все без толку. Однако не сдаётся. Пошел по второму кругу.

Тридцать магазинов обошел, и в каждом открытку оставил со своим адресом. Дескать, прошу вернуть пару слов, когда будет товар подходящий.

Вот неделя проходит, другая. Стал он свои открытки обратно получать, толком уже со шестидесяти магазинов. Из одного прислали, что кед нету, но, возможно, на будущий год будут. Из другого — что нету и, возможно, на будущий год не будут. Из третьего — что раньше эти кеды были, но сейчас нет. Из четвертого — что их и сейчас нет и раньше никогда не было.

И все тридцать открыток в таком духе. Только в одной по кед вообще не упоминается, зато сообщается, что поступили различные галоши и дорожное домино.

Собрал мой приятель эти открытки, пошел в Совет по туризму, да там их и представил. И заявление написал: так, мол, и так.

Пересчитали там открытки, адреса машинных проверили.

— Вы что, — у приятеля спрашивают, — неужели за неделю все тридцать обошли?

— А как же, он отвечает, — вот документы, сами смотрите.

— Ну тогда, — говорят, — мы вас душевно поздравляем, потому что вы, значит, выполнили нормативы.

Пожали ему руку и вручили торжественно значок туриста третьего разряда. И удостоверение дали.

Вот оно как. А вы говорите: турист. Нет, как ни кинь, а для туриста упорство — это первое дело...

УДАЧА

На прирожденного неудачника Ивана Ивановича Макушкина вдруг с потолка свалилась удача.

— О-о-о! — только и смог прошептать счастливый Иван Иванович, поймав удачу на лету и бережно прижав ее к груди. — Теперь с тобой, голубушка, никогда не расстанусь. Ни за какие деньги!

Он мечтательно поднял глаза вверх и неосознанно уткнул в потолок порядочную дыру. Видно, она образовалась на том самом месте, откуда свалилась удача.

«М-да, придется делать ремонт, — подумал Макушкин. — Вот неудача...»

В это время звонил телефон. Приятель предлагал да билет в театр. Едва Иван Иванович повесил трубку, как пришел почтальон и принес перевод на сто рублей: дальний родственник возмещал Макушкину старый долг. Развернув свежую газету, Иван Иванович увидел там потерянную таблицу и обнаружил, что на свой единственный билет он выиграл пуховый платок.

Придя на службу, Макушкин узнал, что его повысили в должности. А машинистка Нонна Викторовна, которая прежде не обращала на его умиления, ни малейшего внимания, ласково улыбнулась ему и кокетливо сообщила, что давно не была в кино.

Потраченный Иван Иванович весь день провел как во сне и только, вернувшись домой, вспомнил про незаделанную дыру в потолке.

— Ну, теперь это для меня пара пустяков! — бодро воскликнул Иван Иванович. — Первым делом надо сходить в жэн. Где у меня тут записан телефон?

Но позвонить он не успел. Раздался стук в дверь. Пришел техник-смотритель.

— Зашел к вам узнать, все ли в порядке, ит ли жалоб.

Макушкин, показав на потолок, сказал:

— Вот, заделать бы надо...

— Сделаем, — с готовностью откликнулся техник-смотритель и спросил: — Кто-нибудь палкой в потолок тыкал?

— Нет-нет, — испугался Иван Иванович. — Это просто... знаете ли... удача оттуда на меня свалилась...

— Ага, — понимающе кинул техник, — наверно, в квартире над вами танцевали всю ночь? Небось, тунейдзи какие-нибудь там проживают...

— Что вы, что вы! — пробормотал Иван Иванович. — Там профессор живет пожилой. Он, я думаю, и танцевать не умеет. Просто она сама по себе свалилась...

разыскивать в справочнике телефон бора добрых услуг. Собственно, искать почти не пришлось. Справочник сам раскрылся на нужной странице.

— Мне бы ремонтник сделать! — протестно сказал в трубку Макушкин.

— Пожалуйста, — приветливо откликнулся, приемщица заказов. — Сколько у вас комнат?

— Одна...

— Всего одна? Ну и кухня, конечно, коридор?...

— Да нет, коридор не надо ремонтировать. Только комнату...

— Гм, маловато. Ну ладно, так и быть, запишу. Значит, так. Пол парабат! На стены наклеим обои? Перегородочку будем ставить?

— Не будем, — утешив голосом, Макушкин, — мне только дыру в потолке заделать.

— Чтот! — удивился приемщица. — Да вы что, гражданин! Это же за какой дыры вы к нам бригаду будем высылать!

— А одного мастера нельзя?

— Нельзя. Мы уже давно на комплексный метод перешли. Сразу полный ремонт производим. И потом с вашей дырой целый день провозимся, а нам план выполнить надо. Вот если бы у вас, скажем, десять дыр было...

— Как же мне быть, если на меня только одна дыра свалилась?

— Гражданин, а же вам сказали: одной дыры недостаточно. Незачем для нас об этом раб. Попробуйте договориться с частным мастером. И она повесит трубку.

Иван Иванович вздохнул, посмотрел на дыру с некоторым недоверием и пошел искать частного.

Спустился по лестнице, он нос к носу столкнулся с человеком в перепачканном комбинезоне.

— Папаша, ремонт не требует! Красим, штукатурим, точим, павим...

Макушкин ухватил его за рукав и втащил в комнату.

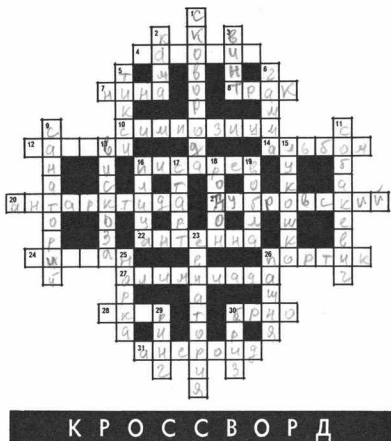
— Мне вот эту дыру заделать.

— Можно, — деловито заявил мастер и назвал сумму, которой, по мнению Макушкина, хватило бы на капитальный ремонт Большого театра.

— Дело ваше, — бормотал он, пока Иван Иванович вытаскивал его на лестницу, — только еще придется попростить...

Прошла неделя. За это время Макушкин дважды получал премии, трижды ходил с Нонной Викторовной в театр, двоюродный дядя подарил ему дубленку, а тетя достала туристскую палатку на Кавказ с семидесятипроцентной скидкой. И все же Макушкин хлопотал насчет ремонта. Он обошел десять инстанций (секретарши всюду пропустили его вне очереди) и еще в пятницу зvonил по телефону. На восьмой день у него появилась привычка в разговоре подергивать левой щекой. На одиннадцатый — он перестал подергивать. На четырнадцатый — знаменитый невропатолог, к которому все записывались за полгоде, а Макушкин попал сразу же, пропущенный, а на пятнадцатый — в предупреждение, что в противном случае дело кончится плохо.

Вернувшись от него, Иван Иванович, не разделяя, ле в постель, и, поворачиваясь под голову, долго стонал в потолок. Наконец он встал, взял в руку свою удачу, нежно погладил ее и поцеловал. Потом решительно влез на стул и, тяжело вздохнув, огромными гонимыми приколотив удачу к потолку.

По горизонтали: 4. Советский философ и поэт XVIII века. 2. Приток Волги. 3. Стержень с резьбой. 8. Фрукт моря Лаптевых. 9. Звонил в пределах одной octave. 9. Лечебно-профилактическое учреждение. 11. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя. 12. Государство в Восточной Африке. 14. Книга рисунков, чертений, фотографий. 16. Русский критик, публицист. 20. Матрица. 21. Повзр. А. С. Пушкина. 22. Часть радиостанции. 24. Итальянский живописец. 26. Галерея перед входом в здание. 27. Массовые спортивные соревнования. 28. Малая планета. 30. Город в Чехословакии. 31. Прибор для измерения атмосферного давления.

По вертикали: 1. Украинский философ и поэт XVIII века. 2. Приток Волги. 3. Стержень с резьбой. 5. Фрукт моря Лаптевых. 9. Звонил в пределах одной octave. 9. Лечебно-профилактическое учреждение. 11. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя. 12. Государство в Восточной Африке. 14. Книга рисунков, чертений, фотографий. 16. Русский критик, публицист. 20. Матрица. 21. Повзр. А. С. Пушкина. 22. Часть радиостанции. 24. Итальянский живописец. 26. Галерея перед входом в здание. 27. Массовые спортивные соревнования. 28. Малая планета. 30. Город в Чехословакии. 31. Прибор для измерения атмосферного давления.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 4. «Светлана». 8. Железо. 9. Декрет. 10. Кадр. 11. Нессер. 12. Амударья. 13. Волк. 15. «Накане». 17. Лазер. 18. Конституция. 21. Самбо. 23. Август. 26. «Полет». 28. Демосиф. 29. Кантемир. 30. Овес. 31. Купюра. 32. Фрегат. 33. Сказание.

По вертикали: 1. Делакруа. 2. Панорама. 3. Вреден. 5. Ванквара. 6. Телефон. 7. Веллет. 14. Танго. 15. Ютия. 16. «Зенит». 17. Лемно. 19. Камурга. 20. Коматас. 22. Брошюра. 24. Виноград. 25. Секстант. 27. Плицев.

На первой странице обложки:

Донец. На улице Артема растут шестидесятиэтажные дома. Шахта «Грудослав». Комбинская бригада, руководимая Героем Социалистического Труда И. И. Стрельниковым (см. репортаж «Уголь и Фото» в № Колосовского).

На последней странице обложки:

Поэма о Ленинграде. Фото Р. Мазелена (на фотонкурсе «Огоньки»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, С. А. БАЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕВРОВ, В. И. КОЛЕСОВ (заместитель главного редактора), С. С. ЮРИН, Н. Б. ПАСТУХОВ (заместитель главного редактора), И. П. ТОЛЧЕНКО.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажи и новостей — 253-37-61; Международные — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусство — 250-46-98; Литература — 253-38-26; Военно-морской флот — 15-33; Наука и техника — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорт — 253-39-67; Фото — 253-39-04; Оформление — 253-38-36; Реклама — 253-38-28; Литературный отдел — 253-38-62, 253-34-25.

Слано в набор 5/VIII — 74 г. А 00615. Полн. к печ. 20/VIII — 74 г. Формат 70х108¹/₂. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1739. Тираж — 212 000 экз. Заказ № 2566.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции лауреаты газеты «Правда» имени Н. Н. Ленин. 1930-1935. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

СЕРДЦЕ МУЗЫКАНТА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Больше тридцати лет назад, в военную пору, пришлось мне побывать у Елены Фабиановны Гнесиной, чье столетие со дня рождения недавно отмечала страна.

— Так о чем будем говорить, — спрашивает Елена Фабиановна, побуждая устроиться в кресле, — о прошлом, настоящем или будущем? Одинаково волнующие меня темы!

Седая голова, высокий, чистый лоб. В комнате старого особняка холодно: у Елены Фабиановны усталое лицо. Нароботал человек за долгий день, а тут еще нога болит, сил нет.

— Значит, так, — начинает хозяйка кабинета, стены которого увешаны фотографиями с деревянными надписями. — Нам было пятеро сестер и брат Михаил. Скопили мы денег. Купили роля, Написали от руки объявление: открывается, мол, частная музыкальная школа... Несколько дней никто не приходил, потом — «первая ласточка». Начали работать. И вот работаем до сих пор...

Она была любимой ученицей знаменитейшего Ферручио Бузони. Гениальный музыкант сулил ей большую будущность. Великие русские композиторы Сергей Васильевич Рахманинов и Александр Николаевич Scriabin считали Елену Гнесину своим другом. Но были отложены на далекое, неопределенное время сольные концерты. В маленьких классах с утра до вечера звучит тарелчатый голос учительницы: «Не педалируй, но барабан, вслушайся в то, что играешь...» Вот уже лучше. Повторим еще раз...

— Каждому свое, — говорит Елена Фабиановна. — Мне, видно, на роду написано учить. Грустила ли о концертной эстраде? Да когда же было грустить! Мы в первые же дни после революции отправились к новой, Советской власти — просить, чтобы нашу музыкальную школу приняли в руки государства. И тут очень скоро стали приходить к нам молодые таланты... Пришли Тихон Хренников, Арам Хачатурян... Поверьте, высшее счастье, которое может выпасть на долю музыканта, —

знать, что ты нужен! Нужен многим людям, нужен родной стране. Мы это счастье испытали! Как же мне не быть оптимисткой! Говорят, уж слишком я беспокойная, все хочу сделать сама... Вот, мол, смотрите, и война-то какая идет: до музыки ли! Холодно, голодно; у моих ребят замерзают руки в неоплавленных классах, занимаются мной раз в пальто и перчатках... Но нам в первую очередь выделяют дрова, присылают горючие завтраки. И занятия идут нормально, и абсолютно никто нас не вешает! Валяните, пожалуйста, в эту папку: написала детские пьесы для малышей. Скоро будут изданы... А вот проект и чертежи нового здания — для нашего училища и музыкально-педагогического института на улице Боровского... Да, я оптимистка! Вот посмотрите, скоро переведем в новый, прекрасный музыкальный дом, которому позавидует любой центр музыки в Европе!

Такой была Елена Фабиановна Гнесина в тот студенческий вечер, в ту военную пору... Такой и запомнилась. В комнату, где мы разговаривали, кто-то легонько постучал. Вошла молодая женщина с девочкой:

— Привела к вам Таню... Вы хотели ее послушать.

— Да, разумеется.

Елена Фабиановна извинилась, тяжело встала с кресла, подошла к ролю.

— Ну, покажи, Танюша, что умеешь. Давай сначала немножко попоем... Девочка, стесняясь и оттого немного сбиваясь, запела — «Хорошо...» Только ты посмелей! — И девочка стала петь точнее, увереннее. — Вот и молодец, отлично... повторяла Елена Фабиановна, сама не меньше Тани довольная тем, что хорошо получается...

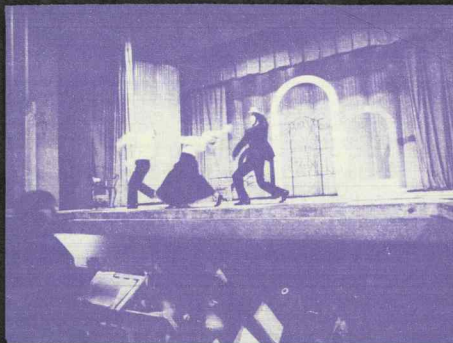
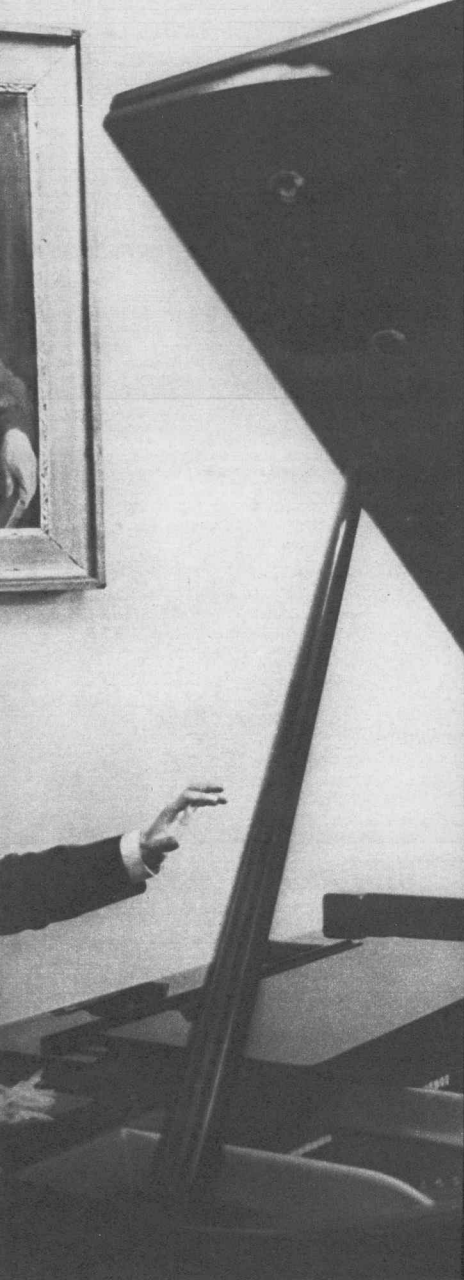
Все сбилось; все, о чем говорила Елена Фабиановна, осуществилось. Кипит творческая жизнь в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных.

В раскрытые окна на московскую улицу льется музыка. Сердце музыканта продолжает жить.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Выпускник Института имени Гнесиных Владимир Иванович Пушечников.

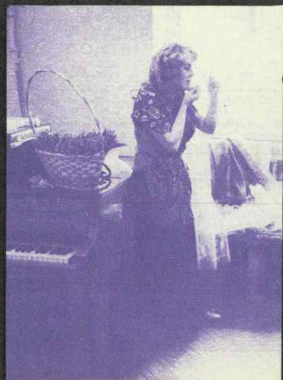

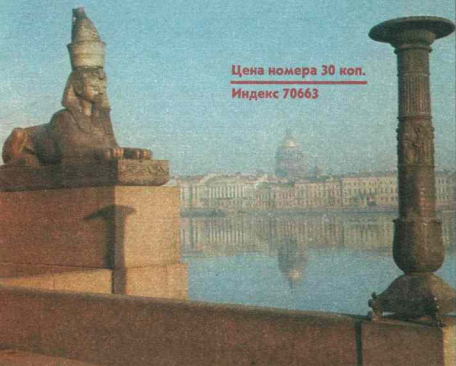
Студенты факультета артистов оперет-
ты играют дипломный спектакль.

Педагог Б. Шляхтер и его ученицы по
классу вокала.

Дебют.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

